

КРАТОС-2

Пасынок империи

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

(Записки Артура Вальдо-Бронте)

18+

Кратос

Олег Волховский

Кратос – 2. Пасынок Империи

«Автор»

2026

Волховский О.

Кратос – 2. Пасынок Империи / О. Волховский — «Автор»,
2026 — (Кратос)

В межзвёздной империи Кратос, где вместо тюрем — психологические Центры, а личность можно переписать посредством нейронных связей, юный Артур Вальдо-Бронте — сын революционера-сепаратиста, пасынок покойного императора и воспитанник нынешнего правителя, либерала - носит в себе три наследства: преступление отца, честь отчима и холодный прагматизм опекуна. Но когда его отправляют на «исправление», Артур обнаруживает, что система, которая обещает исцелять, способна и калечить, а законы, защищающие свободу, легко оборачиваются против самих граждан. Ему предстоит выбирать между верностью, справедливостью и собственным «я» в мире, где даже память может быть стёрта, а мораль — отредактирована. Твёрдый научно-фантастический триллер о том, как далеко может зайти общество, если доверит хирургам не тела, а души.

© Волховский О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Императорский завтрак	5
2. Тусовка	11
3. Лагранж	16
4. Интервью	21
5. Суд	26
6. Больница	35
7. Апелляция	42
8. Психологический опрос	50
9. Психологическое заключение	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Олег Волховский

Кратос – 2. Пасынок Империи

1. Императорский завтрак

Первый роман цикла читать здесь: <https://www.litres.ru/book/oleg-volhovskiy-33742188/kratos-1-t-problema-73899029/>

* * * * *

Леонид Аркадьевич допил кофе и аккуратно поставил чашечку с красным фениксом. Улыбнулся.

— Ленечка, налить еще? — спросила Ирина Николаевна.

Все-таки не могу привыкнуть к тому, что императора называют «Ленечка». Его предшественник Даниил Андреевич Данин был для меня всегда Даниилом Андреевичем. И маминым другом, и императором. И последний полностью затмил первого. Я даже не воспринимал его как отчима и называл «государь». Хотя мама, кажется, говорила «Даня».

Хазаровский предпочитает «Леонид Аркадьевич», потому как не на службе. Между прочим, он мой опекун. До совершеннолетия. А оно на Кратосе в двадцать один. Еще три года таких завтраков.

Что-то у меня прибавилось родственников с тех пор, как я остался сиротой!

Есть еще Людмила Георгиевна и Андрей Кириллович, родители отчима, взявшие на себя роль бабушки и дедушки. И у них Далия и Винсент пяти и девяти лет соответственно, их император Даниил Андреевич усыновил во время эпидемии, которую сам не смог пережить. Мелюзга, в общем. Кем они мне приходятся? Братом и сестрой? Или дядей и тетей?

У меня есть и настоящий отец. Но это уже совершенно отдельная история.

— Да, полчашечки, — говорит император и с улыбкой смотрит на жену.

За завтраком семья обслуживает себя самостоятельно: наливает кофе, ломает круассаны и намазывает масло на хлеб. Для императора завтрак — это пятнадцать минут отдыха в день. Он терпеть не может, когда рядом кто-то стоит навтыжку, уставившись на императорский перстень.

Маринка безумно красиво откусывает круассан, малюсенький кусочек, я украдкой смотрю на нее. Как же можно так красиво есть! У нее темная копна вьющихся волос и умные карие глаза. В отца. Их с Ириной Николаевной часто принимают за ровесниц, хотя Маринка всего на три года старше меня.

— Артур! Не ешь меня глазами, — наигранно возмущается Маринка.

Двенадцатилетние близнецы Олег и Глеб прыскают со смеху.

— Ты очень вкусная, — говорю я.

И бросаю близнецам:

— Молчать, подростки!

Леонид Аркадьевич наслаждается моментом. Еще пять минут в кругу семьи! Потом все разбегутся: мы с Маринкой в Университет, близнецы — в лицей, он — везде и повсюду, и только Ирина Николаевна будет одна здесь обедать. А может быть, и она куда-нибудь уходит, не знаю.

Я его понимаю. Мне всегда хотелось иметь такую большую семью. И чтобы все вместе собирались за столом.

Император допивает кофе.

Феникс краснеет на белом императорском фарфоре, чашечка тихо звенит по блюдцу.

— Леонид Аркадьевич, — прошу я. — У Вас не найдется для меня десять минут после завтрака?

— Хорошо, Артур. Я тоже хотел с тобой поговорить.

О чем, интересно?

Все встают. Близнецов уводит гувернантка. Хазаровский по-ангельски как-то, не сексуально совсем целует жену на прощание.

— Артур, я тебя подожду! — кричит Маринка.

Мы с Леонидом Аркадьевичем идем в его кабинет.

Темное дерево стенных панелей, наборный паркет на полу, два кресла. Стеклопакетные двери на балкон раздвинуты. А там безумствует сад: красные, розовые и белые деревья. Отчаянно пахнет цветущими вишнями.

— Садись, Артур! — говорит император. — Разговор конфиденциальный?

— Да.

Он задвигает балконные двери, отрезая нас от весны.

Я знаю, что одновременно включается силовая защита от прослушивания.

Садится в кресло напротив меня.

— Я тебя слушаю.

— Леонид Аркадьевич, я хотел напомнить вам о моем отце. В завещании Даниила Андреевича сказано...

— Я прекрасно помню завещание Даниила Андреевича, — очень медленно, тише обычного, четко разделяя слова, говорит император.

И температура в комнате начинает ощутимо падать.

Продолжение не нужно. Все сказано.

Это начало «императорского оледенения». Сей процесс люди, близкие ко двору, доподлинно выучили за два года правления Хазаровского. Леонид Аркадьевич способен говорить настолько холодно, что по спине начинают бегать мурашки и кажется, что на стенах выступает иней. Как у него это получается, для меня загадка.

Придворные остряки придумали измерять императорский гнев в градусах Цельсия. Крайняя степень называется температурой кипения жидкого азота. После этого выгоняют со всех должностей и отдают под суд. При этом император умудряется не сказать ни одного грубого слова.

Минус десять — это так легкая головомойка. Сейчас где-то плюс пять. Зябко, конечно, и ветерок подул. Но терпеть можно. В случае продолжения темы, однако, — перспектива падения до нуля.

Я затыкаюсь.

— Артур, — говорит император и становится теплее, — это сейчас не ко времени. До референдума о доверии я не могу принимать непопулярные решения, и адмирал понимает это гораздо лучше тебя.

Референдум через год. В принципе, народ Кратоса имеет право послать императора, куда подальше. Очень бы не хотелось. Несмотря на «оледенения».

И я затыкаюсь наглухо.

— Ты давно видел адмирала? — спрашивает Леонид Аркадьевич.

— Недели две назад.

— Как его история? — говорит он еще теплее.

— Почти написана.

— Я бы хотел прочитать ее. До того, как она будет опубликована, — последнюю фразу он произносит отдельно, и воображаемый столбик термометра начинает неумолимо падать.

— Я передам отцу.

— Передай еще, что я не вправе запретить ему ее публиковать, что бы там ни было. Но лучше, если нам удастся найти консенсус. Лучше и для Тессы, и для Кратоса, и для всех нас.

Книга моего отца называется «История Тессы», той планеты, за независимость которой он когда-то воевал, нашей общей родины: его, меня и Хазаровского.

Леонид Аркадьевич лукавит. В отношении моего отца он вправе все. Когда-то тессианский сепаратист Анри Вальдо был приговорен к смерти, но получил отсрочку исполнения приговора. И этот приговор, полузабытый, но не отмененный все еще лежит где-то в архивах. Без срока давности.

— Государь, вы лукавите, — говорю я.

Или я не сын Анри Вальдо!

Император усмехается.

— Нисколько. Я не вправе запретить публиковать книгу. Я вправе его казнить после этого. Но, во-первых, я же не буду этого делать. И, во-вторых, для твоего отца это не аргумент.

Пожалуй, это лестно. Я улыбаюсь.

— Думаю, когда-то в роду Вальдо случилась генетическая мутация, — продолжает Леонид Аркадьевич, — и был затерт участок ДНК, отвечающий за инстинкт самосохранения.

— Трудно с нами? — предположил я.

— Легко. У вас есть другие стимулы. Честь, например. И они лучше страха. Теперь моя часть разговора, Артур... Если я не обнародовал завещание Даниила Андреевича, это не значит, что я положил его под сукно...

У Хазаровского есть хорошая отговорка. По сути, завещания нет. Отчим не успел его дописать. Есть отдельные наброски на императорском кольце, и знают о них два человека: император и я.

Перед смертью Даниил Андреевич отдал кольцо мне, чтобы я передал его Хазаровскому, а я по мальчишеской дурости надел его. И теперь знаю все, что было на нем записано. Не только завещание отчима — много чего еще. Пятого уровня секретности. Слишком много.

— В Республиканском Центральном Союзе есть университет Кейнса. Слышал о таком?

— Ну, еще бы! Там Нагорный учился.

— Да, Александр Анатольевич самый известный его выпускник. На Кратосе. А в РЦС трудно найти известного человека, который бы там не учился. Как ты относишься к идее туда поступить?

— Мне не интересна экономика, Леонид Аркадьевич.

— Там не только экономика. Есть юриспруденция.

— Там совсем другая юриспруденция. И не очень понятно, зачем она им вообще.

— Значит, разумная юриспруденция, если не понятно зачем. Не интересно?

— Да, нет, интересно, конечно. Даже просто побывать в РЦС.

— И есть психология. Ройтман посылает туда учиться своих стажеров. Собирается послать. Всего мы хотим отправить несколько сотен молодых людей. Не только в университет Кейнса, есть много вариантов. Будет конкурс. Отбираю, естественно не я, но я хочу, чтоб ты попробовал, у тебя неплохие шансы. Я думал, что это будет юриспруденция, но выбор за тобой. Как захочешь. Надо будет сдать несколько экзаменов. Все анонимно. Так что, во-первых, не надейся, что мое имя тебе поможет. И, во-вторых, не бойся, что имя твоего отца тебе мешает. Экзамены летом. У тебя как раз будут каникулы.

Я понял. Я слишком хорошо помнил эту часть завещания отчима: «Хазаровский Леонид Аркадьевич должен быть назначен регентом империи. В течение десяти лет он должен найти себе преемника среди талантливых молодых людей и обучить его. После чего отречься от власти...»

Хазаровский не регент, он император, хотя еще и не утвержденный всенародно. Но на референдум он идет именно как император.

Я уж думал, что Леонид Аркадьевич вообще решил проигнорировать эту часть завещания предшественника.

— Надеюсь, по возвращении вам всем найдется работа, — сказал Хазаровский. — Сначала вы полетите на Анкапистан. Место не самое приятное и не самое безопасное, но у вас будет охрана. В крайнем случае, выкупим, — он улыбнулся. — Анкапистан тоже интересен. Посмотрите, как работает система, которой на первый взгляд вообще никто не управляет, нет единого центра, единых правил, никаких законов, кроме законов пиратского флота. Но работает. И насколько это отличается от РЦС, где все разложено по полочкам, что кажется и законы уже не нужны — и так все в порядке. Возможно, различия не так уж радикальны... А я ничего не положил под сукно, Артур. Народ будет решать.

— Вы собираетесь обнародовать завещание?

— Возможно.

— Отчим недооценивал вас, — пылко возразил я. — Не надо этого делать.

Не потому, что я боюсь появления в прессе собственного некролога с сакраментальной надписью «он слишком много знал» и соответствующей табличке на могилке. Хазаровский не подавал мне повода для подобного страха.

Я просто искренен. Отчим действительно во многом ошибался. Он ценил Хазаровского как финансиста и дипломата и не замечал его виртуозной способности собирать команду, причем не бояться брать людей ершистых и независимых, вроде моего отца. Или генпрокурора Александра Нагорного. Уж один Нагорный чего стоит! Бывший адвокат, в эпоху императора Страдина — предшественника моего отчима — посвятивший себя борьбе с воровством и коррупцией в среде друзей-приятелей тогдашнего императора и не только их. Сам чуть не загремевший в Психологический центр по сфабрикованным обвинениям.

Хазаровский вызвал его и сказал: «Александр Анатольевич, работайте!»

И Нагорный пошел работать да так, что уровень коррупции в стране за год упал в разы, а Евгений Львович Ройтман — глава системы Психологических центров Кратоса — взмолился не перегружать центры.

«Это не ко мне, это к императору, — сказал Нагорный. — Это Леонид Аркадьевич отправляет в центры. Я бы расстреливал».

«У меня каждый человек на вес золота! — среагировал император. — Так что к Ройтману, к Ройтману. Пусть он сам решает на сколько».

С «абсурдным компромиссом между тессианской системой лечения преступников и традиционным желанием наказывать», на который многие годы жаловался Ройтман, было покончено. Суд теперь устанавливал только виновность или невиновность. Если подсудимого признавали виновным, его отправляли к психологам, которые составляли заключение с выводами о сроке, который им нужен для проведения курса психокоррекции. И нужен ли он вообще. С заключением психологи шли в суд, который мог утвердить срок или отправить человека в другой Психологический Центр или к независимым психологам на экспертизу, если срок казался суду неадекватным.

Хазаровский смог наладить отношения с СБК, во что тоже не верил отчим. Зря не верил. Сотрудников Службы Безопасности Леонид Аркадьевич брал к себе на работу еще на Дарте, во времена Анастасии Павловны. Они сейчас и пошли в гору. Люди оказались компетентные и честные. Других будущий император и не нанимал, еще будучи бизнесменом.

Леонид Аркадьевич смог перетащить на свою сторону даже армию, в это не верил, по моему, никто. Началось с того, что пиар-служба вытащила откуда-то фотографию сорокалетней давности с изображением молодого лейтенанта в мундире пилота. Служил, в общем. Хотя и лейтенантом, хотя и недолго. А я и не знал, что он летал.

«Летал, — подтвердил мне император, — но, по правде говоря, совершенно не помню, как это делается. Твой отец не даст мне пару уроков как лучший пилот империи?»

Отец, понятно, ничего не имел против.

Пиаром конечно не обошлось. Офицерам, отличившимся в войнах эпохи Данина, отдали особняки, оставшиеся без хозяев и наследников после эпидемии.

Кроме того, император создал некий, вполне приличный и умеренный культ отчима, причем даже не как императора, а как полководца. И вытащил из махдийского плена наших солдат, отдав за каждого по сотне махдийцев.

— Отчим ошибался, — повторил я. — А я никогда никому ни одним словом не обмолвился о его завещании. И не собираюсь.

— Спасибо, — улыбнулся император. — Я знаю, что ты — человек чести. Но и для меня она не пустой звук.

Миниплан бросило в небо с такой скоростью, что нас с Маринкой вжало в кресло, и навстречу метнулись облака.

Но она только улыбнулась.

— Здорово с тобой летать!

— Еще бы! Мой отец — лучший пилот Империи. Или я у него ничему не научился?

И заложил крутой вираж.

— А о чем ты говорил с папой? — спросила она. — Если не секрет, конечно.

— Да все о том же. Просил прощения для моего отца.

— И?

— Глухо. Говорит, не вовремя. Непопулярное решение. Сорвет референдум.

— А! Конечно, непопулярное. В высшей степени.

Я надулся и откинулся в кресле.

Вылез в Сеть посмотреть новости. Кольцо связи потеплело на моем пальце и услужливо развернуло виртуальные утренние газеты. Их иногда весело с Маринкой обсуждать.

Я, наверное, побледнел.

Не знаю, может быть, покраснел от гнева.

— Что ты там нашел? — спросила Маринка.

— Ты представляешь, тут мразь какая-то... Да, ладно, прочитай сама. И я скинул ей ссылку.

Мразь была журналистом и писала о том, что император каждое утро пьет кофе с кокаином.

— Ну, и вранье! — возмутилась Маринка. — Они что считают, что все тессианцы — кокаинисты?

— Да по фигу мне, что они считают! — сказал я. — Леонид Аркадьевич будет в суд подавать?

— Делать ему больше нечего!

— Как это нечего? Это же клевета!

— Ну, понимаешь, у папы принципы. Свобода прессы и все такое.

— При чем тут свобода? Свобода врать?

— Он считает, что, если наказывать за вранье, они будут бояться писать правду. Пуганый же народ. После Страдина особенно.

— Тебе не кажется, что у твоего папы принципы зашкаливают?

— Ну, понимаешь, он хочет чистой победы на референдуме. При свободе прессы. Ему не интересно, когда с ним играют в поддавки. Он не хочет уподобляться тирану Владимиру Страдину, он пришел, чтобы продолжить традиции свободного и справедливого правления Анастасии Великой.

— Угу! А потом напишут, что ты трахаешься со всей университетской группой, а я мастерю взрывчатку в подвале отцовского особняка. Для тессианских террористов! Тоже

утремся? Есть свобода и есть преступление. Клевета — это преступление. В конце концов, у императора свои принципы, а у меня свои.

— Вот за это ты мне и нравишься, — сказала Маринка и чмокнула меня в щеку.

Я приказал кольцу связи поставить миниплан на автопилот и обнял Маринку.

— А эту мразь я найду и размажу по стене, — бросил я.

— Не надо. Папа тебя посадит, — сказала Маринка и привлекла к себе.

Снизу к нам неумолимо приближалась посадочная площадка Университета.

2. Тусовка

— Таких императоров не бывает! — говаривал бывший поэт, а ныне сценарист Никита Олейников, который пригласил меня сегодня на богемную тусовку. Почему-то Никита считает, что мои тексты, которые я ваяю под брэнчание на гитаре, чего-то стоят.

— Таких императоров не бывает! — говаривал он. — Леонид Аркадьевич — мифологическое существо. Не отбирает собственность, как Страдин, не указывает судам, не затыкает журналистов (и даже не отстреливает!), не ревнует к талантам, не боится, что его затмят, и при этом не купается в роскоши и не пьет, как Анастасия Павловна. Нет! Не бывает такого! Я когда-нибудь выведу его на чистую воду.

Этот пассаж можно было бы счесть наглой и беззастенчивой лестью, если бы не постоянство вкусов Никиты Савельевича. Даже во времена упомянутого Владимира Страдина Никита держал в красном углу исключительно портреты опального тогда Хазаровского и покойной сильно пившей императрицы. А Страдин красовался у него на внутренней стороне унитаза.

Попытка вывести императора на чистую воду у Никиты уже была.

Дело в том, что Хазаровский терпеть не мог своих портретов в кабинетах чиновников. Увидев — заставлял немедленно снять:

— Вы Кратосу служите, а не мне! И надеюсь, что мы служим одному и тому же!

У Никиты онный портрет висит в его особняке над лестницей. В натуральную величину. Как-то, собрав у себя цвет кириопольской богемы, Никита Савельевич пригласил и императора.

Хазаровский поднялся по лестнице и застыл перед портретом.

— Никита Савельевич, немедленно снимите!

— Государь, — сказал Олейников, — это частный дом. И вы не имеете права мне указывать. Кого хочу, того и вешаю. Хоть Анри Вальдо!

Император задумался и, кажется, представил на своем месте моего отца.

И все уже ждали знаменитого «императорского оледенения» с виртуальным инеем, ползущим по стенам.

Но температура не опустилась ниже десяти градусов по Цельсию.

— Вы правы, Никита Савельевич, — сказал Хазаровский. — Извините. Конечно, я не могу вам указывать. Но зачем это? Я — просто кризисный управляющий.

— Меня пока устраивает ваш стиль кризисного управления, — заметил Олейников. — Как только перестанет устраивать — я тут же вас сниму.

— Хорошо, договорились, — кивнул император. — Буду навещаться.

— Ну, что, вывел Хазаровского на чистую воду? — тихо спросил я Олейникова.

— Пока не вывел, — признался тот, — но у нас еще все впереди.

И вот я поднимаюсь по той самой лестнице.

Портрет на месте.

Интересно, а если бы император подал в суд на ту мразь, что написала о кокаине, снял бы Олейников портрет?

Особняк украшен гирляндами цветов и благоухает не хуже императорского сада. Никита Савельевич устраивает прием в честь весны, которую на тессианский манер величает «Примаверой».

Вот и он у балюстрады возле лестницы, над пестрой богемной публикой, толпящейся внизу. В одной руке у него бокал вина, в другой шашлык на шампуре. Никита предпочитает изысканной пище — увесистую. И уже изрядно пьян.

Он огромен: и толст, и высок. Светлая грива волнистых волос падает на плечи. То ли сытый лев, то ли Зевс на пиру. На внушительном теле — нечто белое, подпоясанное золотым

шнуром. Наряд сей обладатель величает «хитоном». А я чувствую себя прутиком рядом с бочкой.

Честно говоря, я задавался вопросом, почему бы Никите Савельевичу не похудеть. С биомодераторами (кратко: модами), искусственными симбионтами, живущими в нашей крови, это не представляет проблемы. Небольшая корректировка программы — и через пару месяцев фигура Аполлона. С присущей представителям рода Вальдо наглостью, я даже решился спросить об этом.

— Это мой имидж! — громогласно ответил Олейников. — И на хрена? На меня бабы и так вешаются.

И он сделал богатырскими плечами движение, означающее сбрасывание назойливых баб.

— Пачками, — уточнил он.

По-моему, слукавил. Подозреваю, что с его обжорством не в состоянии справиться даже моды последней модели. Для него и шашлык вроде канапе.

И вот шашлык почти грациозно уплывает в одну сторону, бокал в другую. Это Никита Савельевич раскрывает объятия.

— Иди сюда, Артур!

— Добрый вечер, Никита Савельевич.

Ко мне подплывает поднос с бокалами вина и самыми настоящими канапе, вполне микроскопических размеров. Выбираю игристое сливовое вино, темно-красное, почти цвета маджента, и нечто рыбное на шпажке.

— Как поживает император? — вежливо спрашивает Олейников.

— Нормально. Средняя температура во дворце около двадцати по Цельсию. Плюс-минус десять.

— Климат умеренный, — заключает Никита. — Жить можно. Моя благодарность. Ты наш лучший богемный агент в стане императора! — и отпивает вина.

— А почему не императорский агент в стане богемы?

— Не смей меня! Сын Анри Вальдо — императорский агент?

— Почему бы нет? — пожимаю плечами я.

Он игнорирует.

— Слушай, а он это серьезно насчет весовых коэффициентов? — спрашивает, понизив голос.

Речь идет о новом законе о референдуме. Впрочем, не таком уж новом.

— Народное Собрание уже год так голосует, — говорю я.

— Ну, на НС не все заходят. Все-таки референдум — другое.

Дело в том, что теперь голос каждого участника Народного Собрания или референдума умножается на коэффициент, зависящий от уровня интеллекта и компетентности. То есть голоса не равны. Интеллект измеряют моды по сигналам мозга и количеству связей между нейронами, компетентность определяется уровнем образования и достижений в данной области.

— Сашка! — басит кому-то Олейников. — Иди сюда.

С «Сашкой» я шапочно знаком, но больше привык к «Александру Анатольевичу».

Генпрокурор поднимается к нам. Он широк в плечах, плотен, но не грузен, и на полголовы выше Олейникова. Его лицо напоминает мне литовский крест: вертикальная складка между бровей, горизонтальная линия серых глаз, прямой нос, горизонтальная линия рта и вертикальный штрих ямочки на подбородке. Несмотря на репутацию человека остроумного, ироничного и не любящего формализма, он явно чувствует себя не в своей тарелке и неловко улыбается. Для почти не пьющего Нагорного, местная разухабистая тусовка — это конечно чересчур. Тусовка, однако, его любит и принимает.

Никита Савельевич символически раскрывает объятия, потом жмет руку.

— Сашка, это Артур Вальдо. Знаешь такого?

Он кивает.

— Знаю.

Хотя я вовсе не уверен, что он меня помнит.

Подает руку. Жмет коротко, по-деловому.

Разговор возвращается к политике, и Нагорный на глазах становится увереннее, преодолевая зажатость трезвого человека в пьяной компании.

— Понимаешь, Никита, для НС — это правильно. Конечно, если мы решаем вопрос, имеющий отношение, скажем, к медицине, голоса врачей должны быть весомее. Но референдум о доверии... какая тут компетентность? Двухбалльная шкала: нравится — не нравится, довольны — не довольны. По коэффициенту интеллекта считать весовой коэффициент? Вариант, конечно. И я прекрасно понимаю, почему этого хочет Хазаровский. Будем говорить только с теми, кто понимает, а на остальных бесполезно тратить время. Умножим их голоса на ноль восемь — и нет проблемы. Это лень такая. Будем лежать на печи и ничего не делать для того, чтобы убедить тех, кому надо долго объяснять, что из чего следует, к чему приведет и почему так, а не иначе.

— Думаешь, можно объяснить всем все? — спросил Олейников.

— Думаю, можно постараться. Неравенство хуже.

— Мне казалось, ты поддерживаешь Леонида Аркадьевича.

— А я его и поддерживаю. Но это не значит, что я во всем с ним согласен.

Пахнет цветами, мясом и вином, зал наполняет тихая музыка. И разговор кажется слишком серьезным и неуместным.

К нам присоединяется еще один человек. Одет вполне богемно, но без экстравагантности Олейникова: брюки, рубашка, кожаный жилет. В государственный совет так может и не стоит, но по улице пройти можно. Он ниже меня и упитаннее. Хитрые глазки под низкими бровями, широкое лицо. Темные волосы зачесаны на одну сторону, на пухлых губах — наглая ухмылка. Он мне сразу не нравится. А ему, очевидно, не нравится Нагорный: меряет генпрокурора презрительным взглядом. Александр Анатольевич естественным образом смотрит сверху вниз, но равнодушно. Видимо, знакомство одностороннее: наш новый собеседник знает Нагорного, а тот его — нет.

Зато темноволосый знаком Олейникову.

— О! Сергей! Мы тут новый закон обсуждаем. Что ты о нем думаешь?

Хитрый и широколицый кривится.

— Думаю, что императору не стоило дописывать к «Кратос Анастасис» «элевтериос», если он собирался принимать подобные законы.

«Кратос Анастасис» — «воскресшая держава» — греческая надпись на знамени Кратоса. Красным под алым фениксом, возрождающимся из пламени. Хазаровский действительно добавил «элевтериос» — «свободная».

— А причем здесь свобода? — спрашивает Никита.

— Как причем? — говорит Сергей. — В результате решать исход голосования будет образованный класс. Кого поддержит — тот и победит. А остальных и слушать нечего: быдло!

— Вы не о свободе, вы о равенстве, — говорю я. — А его не было и нет. В результате решать будут умные люди. Разве можно доверять судьбу страны глупцам?

Он внимательно смотрит на меня. В глазах — узнавание. Да, я знаю. Я чертовски похож на отца в молодости, на его растиражированном портрете, сделанном до тюрьмы. Неоднозначная личность мой отец: для одних — герой, для других — преступник. Иногда забавно наблюдать, как меняются выражения лиц моих собеседников. Не сразу доходит, что я никак не могу быть адмиралом флота, чье имя до сих пор у многих застревает в горле.

У Сергея в горле застрял вопрос.

И так и остался невысказанным.

— Судьбу страны должны решать все, кто в ней живет, — вместо этого сказал он. — Потому что их судьба определяется судьбой страны.

— Ну, не все же понимают, как это связано, — вмешался Никита. — Народ Страдина любил, потому что при нем было сытно и спокойно. Ну, до поры, до времени. А свобода для большинства населения — это не пришей кобыле хвост! Ну, кому нужна свобода? Мне, моим гостям (и то не всем), Хазаровскому. Последний, правда, променял ее на власть. Сдается мне, что даже тебе не нужна.

— Правильно сдается, — признался Сергей. — Я бы предпочел сытно и спокойно.

— Ну, ты-то понимаешь, что в несытно и беспокойно виноват не Хазаровский, а эпидемия и война. Делает все, что может. А свобода — дополнительный бонус на любителя.

— Вот именно! Он просто принимает выгодный для себя закон. Простой народ Хазаровского прокатит, потому что не понимает ваших премудростей.

— Причинно-следственных связей, — уточнил я.

— По-моему, решать должны только те, кто видят хоть на йоту дальше своего носа, — заключил Олейников.

— Между прочим, в аптеках продаются препараты для усиления интеллекта, — сказал я. — Если для кого-то важно повлиять на результат референдума, он пойдет и купит препарат. Они не запредельных денег стоят. Надеюсь, где-то между приемом и голосованием у него наступит просветление в голове. К тому же можно моды перепрограммировать на интенсификацию нейронных связей. Леонид Аркадьевич сказал, что будет только рад увеличению интеллектуального потенциала нации.

Сергей поморщился.

— Не убедили. Все равно неравенство. Препараты не безопасны. Да и неэффективны. Чтобы было безопасно и эффективно, надо психологу платить. И немало. А для того чтобы понять ценность интеллекта надо уже им обладать.

И он еще внимательнее посмотрел на меня.

— Извините, молодой человек, а когда это сказал император?

— Вчера, за завтраком, — ответил я.

И в его глазах узнавание сменило понимание.

— Простите, с кем имею честь?..

— Ох! Позор на мою белобрысую гриву, — прогремел Олейников. — Я же вас не представил! Это Артур эээ... Бронте.

Я поморщился от того что он назвал фамилию моей матери. Никогда не считал Олейникова трусом. Впрочем, тессианским сепаратистам он тоже никогда не сочувствовал.

— Бронте? — задумчиво повторил Сергей. — А вы не родственник...

— Я его сын, — закончил я.

— Адмирала? — переспросил Сергей.

— Анри Вальдо.

— Понятно, — сказал он.

— А это мой друг, Сергей Кривин. Он журналист, — как ни в чем не бывало, закончил Олейников.

И тогда просветление наступило у меня. Я очень хорошо запомнил фамилию журналиста, сочинившего про кокаин.

Не знаю, как выглядит мое лицо в такие моменты: краснею я или бледнею. Почему-то мне кажется, что краснею. Лицо горит, и сердце колотится со скоростью сто двадцать ударов в минуту.

Я отступил на шаг и обратился к кольцу связи. Руки коснулись холодной мраморной балюстрады. Думаю, все заметили мой отсутствующий вид, когда я мысленно приказал поис-

ковой системе искать изображения Сергея Кривина, и Сеть услужливо выдала серию портретов. Это был он.

— Вы не имеете чести, Сергей Валерьевич, — четко разделяя слова, сказал я. — Даже в качестве фигуры речи вы не смеете упоминать ее. «С кем имею честь?!» — передразнил я.

Шагнул к нему и залепил пощечину, хлестко, наотмашь.

Он закрыл покрасневшую щеку.

Нагорный посмотрел на меня с удивлением.

— Что с тобой, Артур? — спросил Олейников.

— Он знает. А вы, Никита Савельевич, иногда читайте утренние газеты.

Повернулся, и начал, не торопясь спускаться по лестнице.

3. Лагранж

Лагранж — городок неподалеку от Кириополя, знаменитый минеральной водой, научно-исследовательскими институтами и общиной выходцев с Тессы.

Вечер, горят фонари. Круглые, цветные, сделанные под старину с изысканным причудливым литьем. Хотя никакое это, конечно, не литье, а пикосборка.

Пахнет черемухой и вишней.

Тихая улица, знакомые деревянные ворота. По ним — зло, размашисто, с кляксами, черной краской: «убийца!» В прошлый раз надписи не было. В позапрошлый я собственноручно ее закрашивал. Я задумался, где бы взять краску сейчас. Негде, конечно! Уже поздно.

И позвонил.

Отец открыл сам. Он был в одной рубашке без костюма или мундира. Светлые волосы короче, чем у меня и на портрете. Улыбка на губах.

— Привет, Артур, заходи!

Я шагнул в сад.

— Что опять написали? — спросил отец.

— Откуда ты знаешь? — удивился я.

— По глазам вижу.

— Темно уже.

Он пожал плечами.

— Ну, слышу по тону. Я устал стирать.

— Я закрашу.

— Да, ладно. В конце концов, это правда.

Это только отчасти правда. Да, Анри Вальдо когда-то командовал повстанческим флотом Тессы. Да, на войне, как на войне. Было бы смешно утверждать, что жертв не было. Но авторы граффити имеют в виду совсем другое.

Во время одного из сражений с императорским флотом отец захватил пассажирский корабль с тремя сотнями человек, заложил на него взрывчатку и потребовал освобождения из тюрем всех тессианских повстанцев и предоставления независимости Тессе. Условия не были приняты, и бой продолжился. Захваченный корабль задело выстрелом с императорского линкора, и взрывчатка сдетонировала. Анри Вальдо воспользовался случаем и бросил свой флот в гиперпереход к Дарту. Убийство трехсот мирных граждан естественно повесили на него.

Спустя два месяца он был арестован и приговорен к смерти, а тессианский повстанческий флот, лишенный командующего, полностью разгромлен. Но приговор так и не был приведен в исполнение. Императрица Анастасия Павловна несколько раз давала отсрочку. Отец провел в тюрьме девять с половиной лет.

Когда его арестовали, мне было шесть, и я его почти не помню. Когда незадолго до смерти императрица освободила его под надзор полиции, без права покидать Лагранж, без отмены приговора, без возвращения гражданских прав, мне было шестнадцать, и мы виделись только однажды. Вскоре у меня появился отчим: император Даниил Андреевич Данин. Тогда он влиял на меня гораздо больше, чем отец. Даже позволил шестнадцатилетнему мальчишке участвовать в военной компании на Дарте. И никогда не нарушал слова.

С отцом мы общаемся последние года полтора. И я воспринимаю его, скорее как старшего друга. Никаких прав на меня у него нет, как и вообще никаких прав. И у меня нет перед ним никаких обязанностей.

Но должен же кто-то всякий раз закрашивать слово «убийца».

Мы подходим к дому, увитому виноградом, слишком скромному для адмирала и слишком большому для приговоренного к смерти. Окна светятся сквозь листву.

Этот юридический казус возник при отчине. Во время войны, когда Кратос и все зависимые планеты империи были на грани оккупации, император был рад любой помощи. Анри Вальдо нарушил запрет, сбежал из Лангранжа и предложил ему собрать тессианское ополчение. Даниил Андреевич пошел на этот риск и не пожалел. Примерно через полгода отец командовал императорским флотом и практически спас империю. Дальние планеты были потеряны, но их уже никто и не надеялся удержать, зато под рукой императора остались Кратос, Тесса и Дарт.

Почему никто не помнит об этом?

Зато помнят о том, что случилось двенадцать лет назад.

В общем, Анри Вальдо является лишенным всех прав и приговоренным к смерти адмиралом императорского флота. Даже этот дом ему не принадлежит, он в собственности государства.

К своему странному статусу отец относится с изрядной долей юмора и увлеченно иронизирует по этому поводу с истинно тессианским остроумием. Он очень сильный человек.

Под ногами скрипят деревянные ступени, мы поднимаемся на террасу.

— Чаю хочешь? — спрашивает отец.

— Давай.

— Как здоровье императора? — любопытствует он, разливая чай.

— Сносно, сносно, — говорю я. — Он, кстати, интересовался твоей «Историей».

— А-а. Я ее дописал.

— Он хочет ее прочитать до публикации.

— Понятно. Его Величество всемилостивейше пожелал стать моим личным цензором, — усмехнулся отец. — Да пусть читает. Ему понравится.

— Правда?

— А что в этом удивительного? Он зря думает, что я буду подбивать тессианцев к отделению к Кратоса. От Хазаровского отделяться? Сейчас в пору Кратосу отделяться от Тессы, а не наоборот. Ну, кто такой Хазаровский?

— Тессианец.

— Вот именно. Так что передай ему уверения в моей совершенной преданности, почтении, восхищении и всем остальном, что еще придумаешь. А «Историю» я ему пришлю.

Я не стал упоминать о том, что Леонид Аркадьевич отказался отменить приговор.

Тессианская община относится к отцу с уважением и сочувствием, так что он не одинок. С черной краской для надписи на воротах, думаю, из Кириополя прилетают.

Я беру пирожное, испеченное по-тессиански с кунжутом и клубникой.

— У тебя, какие новости? — спрашивает отец.

— Да, пару часов назад дал в морду одной сволочи.

— Ага! Интересно. А в чем провинилась сволочь?

— В патологическом вранье. Написала, что Леонид Аркадьевич — кокаинист.

— А он не кокаинист?

— Я сейчас тебе в морду дам.

Отец усмехнулся.

— Меня просто поражает на Кратосе болезненное неприятие гедонистических ценностей. Подумаешь, кокаинист! С модами это не так уж опасно. Я в молодости тоже баловался. Особенно когда трое суток на ногах, бой или погоня — очень помогает.

— Да, — заметил я. — Опасно общаться с государственными преступниками. Плохому научат.

— Это ты испорчен Данинским воспитанием.

— Да он тоже баловался. Сам видел. Один раз. Правда, до того, как стал императором. И учил меня делать «Кровавую Мэри».

— Вот! — усмехнулся отец. — Одно ханжество! Кстати, кокаин давно уж из моды вышел. Сейчас есть вообще безвредные стимуляторы, на их выработку можно моды запрограммировать. И что они заикнулись на этом кокаине! Кратосский националист, наверное, писал. Не тем плох Хазаровский, что кокаинист, а тем, что тессианец.

— Это точно! Я так это и воспринял, как выпад против Тессы.

— А императору побоялся показываться на глаза и прилетел ко мне, — предположил отец.

— Ну, вот еще! Страх перед императором вообще глубоко иррациональное чувство. Ну, что, по здравому размышлению мне может сделать Хазаровский? Снимать меня не откуда, а под суд отдавать не за что. Несколько неприятных минут императорского оледенения — и все.

— При Страдине под суд могли отдать и просто так, — заметил отец.

— Так то при Страдине. А у Хазаровского принципы. Либеральный император — самое безопасное в мире существо.

— Ну, как сказать... Бывают частные обвинения. На тебя Кривин может подать.

Я пожал плечами.

— Пусть подает. Не думаю, что Хазаровский будет недоволен этим инцидентом. Я же его честь защищал.

— Он не любит подобной самодеятельности, — заметил отец.

Пирожное было съедено, чай выпит, а разговор сместился в политическую сферу.

— Ноократия — это правильно, — сказал отец. — Это по-тессиански. Ни к чему учитывать мнение всякой швали. Они тут наголосуют! Впрочем, нам-то с тобой что? Мы же оба не правоспособны.

Да, я по возрасту, а он по приговору.

Утро. Солнце серебрит листву, зажигает капли ночного дождя, оставшиеся в венчиках цветов.

Свежо. Я накидываю куртку.

Нажимаю кнопку баллончика с краской и наблюдаю, как серебристо-зеленое пятно расползается поверх черной надписи. Я управляю процессом через кольцо связи, и ворота приобретают ровный приятный цвет.

Работы на полминуты!

Закрываю краску и возвращаюсь в сад.

Выхожу в Сеть. Что за дурацкая привычка читать утренние газеты! Нет, надо бросать.

Сайт «Утро Кратоса». Статья того самого Сергея Кривина. Новая!

Сажусь за стол возле кустов сирени. Почему-то для меня очевидно, что непременно надо сесть.

Статья называется «Проклятие семьи».

«Как стало известно в редакции "Утро Кратоса" император решил удалить из Кириополя пасынка покойного императора Даниила Данина и сына террориста Вальдо Артура Вальдо-Бронте. Причиной послужил роман Артура с его дочерью. Импульсивный и неуравновешенный сын убийцы трехсот мирных граждан, видимо, не устраивает в качестве зятя даже беспринципного Хазаровского. Интересно, что сын приговоренного к смерти государственного преступника предпочитает называться по фамилии отца, а не матери или отчима. И бесстыдно заявляет в обществе, что он сын Анри Вальдо.

Однако позицию императора тоже трудно счесть нравственной, поскольку он высылает за пределы империи своего несовершеннолетнего подопечного, за которого обязан отвечать».

Тут до меня дошло, что это я — «проклятие семьи». Императорской.

И еще мне категорически не понравилось слово «подопечный».

По ступеням крыльца спускается мой отец — государственный преступник и убийца трехсот человек Анри Вальдо. Почему из статьи кажется, что это я — убийца трехсот человек?

Перед отцом парит поднос с кофе и молочными булочками, приземляется на стол. Отец смотрит на меня.

— На тебе лица нет! Что случилось?

— Случился господин Кривин, — говорю я. — Пишет, что я «проклятие» императорской семьи.

Отец пожимает плечами.

— Ну, залепи ему еще одну пощечину.

— Если найду.

Мы с Маринкой сидим на поваленном дереве в университетском парке.

— Клянусь, я никому не говорил о нас.

Как я пережил сегодняшнее занятие — не знаю. И не знаю, чего больше боялся: сочувствия или косых взглядов. Я встречал всех улыбкой. Победной, как мне казалось. А, может быть, просто искусно сделанной маской.

— Это я проболталась, — улыбается Маринка. — Очень хотелось похвастаться.

— Похвастаться? Я же сын убийцы и проклятие семьи. Вон, что пишут!

— Да плюнь ты на этого Кривина! Он просто отомстил тебе за пощечину доступным ему способом. Ты сын самого храброго человека империи, пасынок самого благородного и, ну, не знаю, если тебе не нравится «подопечный»... Член семьи! — нашлась она. — Самого умного. И ты унаследовал все! И еще на гитаре играешь, — она улыбнулась.

Обняла меня за шею и поцеловала в губы, и у меня окончательно закружилась голова.

Как можно быть одновременно таким несчастным и таким счастливым?

Император вернулся раньше обычного. Конечно, солнце давно село, и близнецов уложили спать, но еще час до полуночи.

Олейников как-то заметил, что народ недолюбливает Хазаровского за то, что он заставил всех вкалывать. «Даже меня!» — с некоторым удивлением добавил он.

По крайней мере, Леонид Аркадьевич не делал для себя исключений.

— Артур, пойдем на балкон чаю попьем, — сказал император.

Не то, чтобы арктический холод, но тон прохладный. На балкон, видимо, для усиления впечатления. Весна же еще! На мраморной балюстраде — капли росы. И слегка видно дыхание. А я в одной рубашке. Не бежать же за курткой, оттого что Хазаровский позвал на балкон. Не могу же я заставить ждать императора.

Леонид Аркадьевич в костюме. Ему тепло.

От чая поднимается пар.

— Думаю, ты знаешь, о чем будет разговор, — говорит император.

— Да.

— Я слушаю.

— Где-то в веках с фамилией «Кривин» случилась мутация, и из нее выпала буква «д», — начинаю я, грея руки о чашку чая.

— Угу! — улыбается Хазаровский. — Значит, относительно вашего романа с Мариной это неправда?

— Правда, — говорю я.

— Вот зачем нужна независимая пресса! Откуда еще узнаешь об отношениях своих детей?

— А то, что вы высылаете меня из Империи именно поэтому, правда? — перехожу я в наступление, хотя холод пробирает до костей, лишая желания атаковать.

Куртку бы! Или в теплую гостиную. Я тоскливо посматриваю на ярко освещенную балконную дверь и окно. Там осталась Маринка.

— Нет, — говорит Хазаровский. — Это неправда. Также как про кокаин.

— Я знаю. Я...

— Защитил мою честь, — усмехается он. — И лишил меня морального права подать на него в суд.

— Марина сказала, что вы не собирались этого делать.

— Ну, почему бы и нет? Действительно, пресса не должна превращаться в клоаку. Не хочется, конечно, тратить время на подобную мышиную возню, но этим бы занялись адвокаты.

— Извините, если я был неправ. Не сдержался.

— Ладно, я понимаю твои чувства. Хотя иногда очень полезно сдерживаться.

— Постараюсь.

— Кстати, в одном господин бывший Кривдин безусловно прав. Ты действительно несовершеннолетний, находишься под моей опекой, и я не имею права подвергать твою жизнь опасности. Все-таки другой мир, со своими правилами.

— На Анкапистане совершеннолетие в пятнадцать лет, — заметил я.

— Мы же не на Анкапистане.

— В моем возрасте отец уже командовал кораблем, а через три года — всем тессианским повстанческим флотом!

— Лучше бы он этого не делал.

Я молчу, наконец, отпиваю чай, уже почти остывший.

— Я воспринимал тебя как взрослого, — продолжает он. — Взросление очень индивидуально.

— Я сдам экзамены и, если пройду, поеду, — сказал я. — Что бы там не говорили.

— Хорошо, — сказал император. — Артур, а ты не простудишься? Пойдем в дом!

Мне хотелось расхохотаться. Я чуть не прыснул со смеху.

— Ничего, ничего, государь.

Мы встали, он положил мне руку на плечо и тихонько подтолкнул к балконной двери.

— Отец передавал вам уверения в своей преданности, — сказал я.

— Спасибо, от Анри Вальдо это очень ценно. «Историю» я получил. Буду изучать.

4. Интервью

Через несколько дней Леонид Аркадьевич дал интервью общенациональному portalу «Кратос–1». Точнее лично госпоже Ромеевой Юлии Львовне, оппозиционной журналистке в эпоху Страдина, да и сейчас известной крайне либеральными взглядами и полным презрением к авторитетам.

Как император решился отдаться на милость этой рыжей фурии, для меня загадка. Для нее — тоже. Она с этого и начала.

Леонид Аркадьевич вошел в студию и непринужденно опустился в кресло.

— Добрый день, Леонид Аркадьевич, — сказал фурия с плотоядной улыбкой.

Еще бы! Конечно, Леонид Аркадьевич! Слово «государь», думаю, и после референдума будет застревать у нее в горле, а сейчас-то вообще без шансов.

— Добрый день, Юлия Львовна, — улыбнулся император.

— Леонид Аркадьевич, почему вы согласились нас посетить? Мне говорили коллеги, что вы отказали в интервью нескольким журналистам, причем куда менее бесцеремонным.

— Вы очень самокритичны, Юлия Львовна. Однако мне придется начать с комплимента. Люди, о которых вы говорили, не вызывают у меня доверия. Они льстили Страдину, когда тот был императором. А значит лгали. Теперь будут лгать мне? Их лесть мне не нужна, как и их согласованные вопросы. Я вполне в состоянии ответить на несогласованные. У нас с вами несколько разные взгляды, но не фатально разные, так что я думаю, мы как минимум поймем друг друга. А главное вы никогда не давали повода упрекнуть вас в нечестности. Ошибки у вас были, но я не помню явной лжи. Так что, если у вас для меня набор жестких и бесцеремонных вопросов — задавайте. Постараюсь ответить.

— Хорошо. Начнем. Как вы оцениваете работу Александра Нагорного на посту генерального прокурора?

— Это что жесткий вопрос? Да вы мне подыгрываете! Я очень высоко оцениваю деятельность Александра Анатольевича. У нас с ним разные взгляды, боюсь, что даже более, чем с вами. И поэтому я был очень рад, когда он согласился работать в моей команде. У нас же всегда коррупция воспринималась как некое природное явление, с которым бороться бесполезно: ветер, снег, дождь, зима, сезон ураганов. Но я-то знаю, что на моей планете... не на Тессе, где я родился, не на Кратосе, который в любом случае родина для всех нас, я имею в виду Дарт, которым я управлял. На Дарте три солнца. Одно настоящее и два отражателя. Было трудно их спроектировать, построить, вывести на орбиту. Но смогли, и планета стала пригодной для жизни. А значит бороться и побеждать можно даже вселенский холод, можно болота осушить, и на вечной мерзлоте построить города. А тут всего лишь воровство. Просто никто всерьез с этим не боролся. А мы будем.

Знаете, в девятнадцатом веке на Старой Земле в Индии были сообщества разбойников и убийц: дакоиты и тхаги. Это была национальная традиция, уходящая корнями в тысячелетия, никто и не думал, что придет время и им настанет конец, никто не пытался с ними справиться, и сотни тысяч людей, индусов и иностранцев гибли от их рук. Но нашлись британцы, которые всерьез взялись за дело, и система была уничтожена за несколько лет. Конечно, остались в индии и убийцы, и разбойники, но это были отдельные случаи насилия — не система.

Вы, конечно, можете возразить, что намерения британцев были не вполне чисты: они защищали опиумные деньги. Но для меня главный вывод: систему, точнее антисистему, даже самую традиционную уничтожить возможно.

— Из пойманных тхагов 500 человек повесили, а несколько тысяч приговорили к пожизненной каторге, — проявила эрудицию Ромеева.

— У них не было Психологических Центров, — улыбнулся император. — Слава богу, наука с тех пор ушла далеко вперед. Я не считаю, что, если человек неподкупен, он обязательно должен устраивать народу 93-й год.

— Уже устроили. Центры переполнены.

— Преувеличиваете, Юлия Львовна. Ни капли крови не пролилось.

— Ну, я фигурально.

— Что же касается переполненности Центров — эта проблема существует. Мы обсуждали с Евгением Львовичем Ройтманом пути решения. Теперь последнее слово за психологами: сроки, о которых они просят в своих заключениях, гораздо меньше тех, что раньше назначали суды. А чтобы нам не удариться в другую крайность, сомнительные заключения со слишком маленькими сроками будем перепроверять.

— Но это не решает проблемы. Люди стоят в очереди на помещение в Центр.

— Пусть постоят. Если быть совсем точным, они не стоят, а сидят под домашним арестом. Для нашей пенитенциарной системы это не очень обременительно, контроль компьютерный и дистанционный, для них — тоже, работать им никто не запрещает. Здесь конечно возникает проблема справедливости. Получается, что за одни и те же преступления мы наказываем по-разному. Тот, кто не сразу попадает в Центр, а сначала ждет под домашним арестом, получает больше неприятных ощущений. Но это лучше, чем оставить их грехи без последствий. С другой стороны, те, кто признают вину и подписывают согласие на психокоррекцию, не ждут, а сразу едут в Центр. Это позволяет избежать суда, позора. Кстати я очень рад, что это, наконец, воспринимается как позор, а не несчастный случай. А люди, которые сокращают нам работу, должны иметь некоторые преференции.

— Газета «Утро Кратоса» писала, что на портале господина Нагорного есть раздел, посвященный вам. Вы об этом знаете?

— А вы считаете, что я настолько некомпетентен, что не знаю, что у меня в стране происходит? Знаю, разумеется. И о том, что делает Александр Анатольевич, и о том, что, к сожалению, пишут газеты типа «Утра Кратоса». Вы по ссылке прошли?

— Да.

— И что?

— Впечатляет.

— И в чем вопрос?

— Сколько вы платите Нагорному за пиар?

Император рассмеялся.

— Ну, он на зарплате, конечно. Но основные деньги получает за другую часть своей деятельности, ту, которая, по вашим словам, обеспечивает нам фигуральный 93-й год. Идея создания раздела, посвященного моим транзакциям, принадлежит ему. Он честно ко мне с этим пришел до того, как запустил в Сеть. У меня не было возражений. Я не неприкасаемый. Контрпродуктивно конечно искать черную кошку в темной комнате, если ее там нет, но, если комната ярко освещена — это хороший стимул не заводить черных кошек.

— Вы там белой вороной выглядите, Леонид Аркадьевич: весь портал о тех, кто берет у народа, а вы ему отдаете.

— Спасибо. Я не считаю, что хорошо быть белой вороной. И я не белая ворона, слава богу. Таких людей много, и я предложил Александру Анатольевичу кроме его Черной книги создать Белую книгу им посвященную. Ему это не очень интересно, но он собрал команду, которая этим занимается. На его портале будет ссылка на этот проект.

— Страдин тоже говорил, что борется с коррупцией.

— Говорил.

— И что вор должен сидеть в тюрьме.

— Как же, помню. И кстати совершенно с ним согласен. Только не в тюрьме, а в Психологическом центре. Помните, что Нагорный начал свою деятельность еще при Страдине? То есть появился в стране человек, который сам, по своей инициативе начал бороться с коррупцией. Не говорить, а бороться. Компетентно, организовано. По своей системе, с расследованиями, с экспертизами. Создал портал. Чем же это для него кончилось?

— При Страдине уголовным преследованием и кампанией дискредитации против него. При Вас — должностью министерского уровня.

— Вот вы все и сказали, Юлия Львовна. Мне почти нечего добавить. И так ясно и кто вор, и кто где должен сидеть. Нельзя одной рукой подписывать указы о борьбе с коррупцией, а другой возбуждать дела против борцов с ней. Нельзя бороться с коррупцией и строить себе загородные резиденции за миллиард гео. Миллиард! Начинать надо с себя. Если бы информация об этой резиденции была выложена не на крошечном тогда портале Нагорного, о существовании которого знали пять процентов населения, а на портале «Кратос-1», думаю, народ стал бы по-другому относиться к Страдину, и его власть кончилась бы гораздо раньше.

— У вас тоже была загородная резиденция.

— Особняк. Я потратил на него пятнадцать миллионов. Масштабы были настолько несопоставимы, что когда у нас с Владимиром Юрьевичем начались разногласия, Страдин, методично прикармливая мое имущество, даже не стал его отбирать. Я им владел до начала прошлого года.

— Когда передали детскому дому...

— Лицею для детей-сирот. У Нагорного об этом очень подробно. Зайдите.

— Ну, теперь у вас есть резиденция за миллиард. Ее же Страдин, насколько я помню, на государственные деньги строил, как официальную императорскую резиденцию. И теперь она ваша.

— Если меня не прокатят на референдуме. Но у меня относительно нее другие планы. Мне есть, где жить. В страдинской резиденции очень хорошая система охраны, а Психологическим центрам не хватает помещений. Так что первоначально мы планировали начинку алмазно-золотую вывезти — казне деньги нужны, а здание передать ведомству Евгения Львовича. В конце концов, Страдин ее для себя строил. Вот и поселились бы люди, близкие ему по духу. Но дворец изучила искусствоведческая комиссия, и нам пришлось отказаться от этой идеи. Алмазно-золотая начинка представляет художественную ценность, и разрушать ее варварство. Так что будет музей. Полный отчет о транзакциях смотрите у Нагорного.

— Кто же вас прокатит после этого! — заметила Юлия Львовна.

— Надеюсь.

— У меня тут вопрос от зрителей. Говорят, что из-за популярности в народе темы борьбы с коррупцией, вы въедете во дворец Кириополя на горбу Нагорного.

— Я рад за мой народ, если тема борьбы с коррупцией в нем популярна. Но неважно кто на чьем горбу въедет во власть. Важно, что будет с Кратосом. Я в принципе не против того, что если меня прокатят на референдуме, и Александр Анатольевич будет баллотироваться, он въехал в Кириополь на моем горбу. Но я считаю, что этот вариант хуже. Александру Анатольевичу тормоза нужны. Ему нужен тот новый независимый судейский корпус, на который я сменил страдинских марионеток. К сожалению, мне после Страдина ассенизатором придется работать. Нагорный бы тоже справился, но методом Геракла, смывая все на своем пути. Он человек горячий, страстный, увлекающийся. Так что рядом ему нужен кто-то с холодной головой. Чтобы его благородное рвение не привело нас к настоящему террору.

— Вы и так сажали, сажаете и, видимо, сажать будете?

— Безусловно. Пока наши чиновники не научатся себя прилично вести.

— Но полезно ли это для нации, если значительная ее часть пройдет через Психологические центры?

— Очень полезно, — улыбнулся Леонид Аркадьевич, — поверьте опытному человеку.

— Хорошо. Перейдем к другой теме. «Утро Кратоса» утверждало, что вы пьете кофе с кокаином. Это правда?

— Откуда только господа журналисты берут информацию! Я не приглашал представителей этой уважаемой газеты на мои семейные завтраки. Тем не менее, я прошел тест. Результат сегодня был выложен на портале Александра Анатольевича. Если состав моей крови интересует народ не меньше, чем содержимое моего кошелька — ничего не имею против. Заходите, смотрите. Зашли, Юлия Львовна?

— Да. Вы собираетесь подавать в суд за клевету?

— Я этого не планировал. Но до меня доходили слухи, что в суд собирается подавать сам автор этой статьи господин Кривин.

— На Артура Вальдо?

— Именно так, на приемного сына покойного императора Даниила Андреевича Данина и моего воспитанника Артура Вальдо-Бронте. За пощечину. Честно говоря, я считал ее достаточным наказанием за клевету, и не собирался давать делу ход, Артура же отчитал, поскольку не считаю рукоприкладство должным методом решения вопросов. Но господин Кривин решил пойти дальше. Что ж, разберемся.

— Артур, говорят регулярно летает к своему отцу в Лагранж. Настоящему отцу — тесссианскому террористу Анри Вальдо.

— Бывшему террористу. Не вижу причин запрещать сыну общаться с отцом.

— Говорят, вы и сами регулярно встречаетесь с Вальдо.

— Адмиралом Анри Вальдо, который в последнюю войну доказал свою преданность и практически спас империю.

— Да, но...

— Я знаю про «но». Мне недавно пришло прошение от граждан Тессы. Там сотни тысяч подписей, я просто его процитировал. И все это правда. Они просили его помиловать.

— И что вы ответили?

— Я отказал. Из-за этого «но». Родственники его жертв живы. Вот когда я от них получу подобное прошение, я соглашусь.

— А ваши встречи?

— Я беру у него уроки летного мастерства. Ваши коллеги растиражировали мою старую фотографию в военной форме, а я сорок лет не летал. И если меня пригласят за штурвал, мне бы не хотелось сказать «пас».

— И все?

— Нет, конечно. Все же он мой адмирал, и нам всегда есть, что обсудить.

— Говорят, что Анри Вальдо участвует в собраниях тесссианских радикалов, и там его до сих пор принимают, как героя и символ борьбы за освобождение Тессы.

— Я бы не стал называть «сборищами» собрания людей, которые тоже наши граждане. Говорить так — это оскорблять их. Приемы у Реми Роше имеются в виду? Знаете, я предпочитаю получать о них представление не только на основании измышлений кратосских конспирологов, но и со слов самого Анри. И это еще одна причина для того, чтобы с ним видаться. Он действительно до сих пор является авторитетом для части тесссианцев. Да, весьма радикальной части. Но это не значит, что их разумно игнорировать и не учитывать те их интересы, которые возможно учесть, не разрушая империи. Да, весьма небольшой части. Зато очень активной. И не учитывать факт их существования, как минимум, глупо. Какого криминала вы здесь ищите, Юлия Львовна? Вы что считаете, что мы на пару займемся борьбой за независимость Тессы?

— Нет, — улыбнулась Ромеева, — но многие наши зрители считают, что это вас дискредитирует.

— Понятно. Есть и еще одна причина. Вы знаете о завещании императора Даниила Андреевича Данина?

— Никогда не слышала. А оно существует?

— Как таковое нет. Есть наброски. Мы их пока не обнародовали, но там по сути нечего обнародовать. Там не только текст не закончен, там фразы незаконченные. Он не успел его дописать. И официальной версии нет. Нельзя обнародовать черновик. Но имя Анри Вальдо там упоминается. Мы не знаем, что он планировал относительно него. Фраза незакончена. Но предположения строить можно. Он еще при жизни обещал его простить. И это был единственный раз, когда он не сдержал слово. Видимо, хотел простить в завещании или переложить на преемника это тяжелое, что уж говорить, решение. Я пока к нему не готов. Но понять, что это за человек, и стоит ли он прощения, я должен. И потому я беру у него уроки.

— Вы сказали нечто совершенно сенсационное. Что еще было в завещании?

— «Хазаровский Леонид Аркадьевич должен быть назначен регентом империи. В течение десяти лет он должен найти себе преемника среди талантливых молодых людей и обучить его. После чего отречься от власти...», — процитировал император. — Но я бы не стал воспринимать это как догму. Текст неофициальный. Устно мне Даниил Андреевич ничего подобного не говорил. И императорский перстень передал через Артура без всяких оговорок.

— Поэтому вы собираетесь проигнорировать этот абзац.

— Ни в коей мере. Отбор талантливых молодых людей начнется летом. Запланирован ряд экзаменов. Приемник мне понадобится в любом случае, регентом я буду или императором: все под богом ходим. А пункт о регентстве я намерен вынести на референдум. Там будет три строки: доверяете ли вы мне в качестве императора, вручаете ли власть регента или не доверяете вообще.

— Боже! Как вы решились сказать об этом?

— У нас вековая традиция вранья властей народу. Люди не понимали, как можно править иначе. Я бы хотел сломать эту традицию. Может быть, я ставлю опасный эксперимент. Но если хочешь честности от своего народа надо, прежде всего, самому быть честным. А если не собираешься врать, лучше не начинать. Потом не остановишься. Я доверяю моему народу и жду от его того же.

Заключительной части интервью могло и не быть. Лучшее и главное было уже сказано.

— Тут спрашивают, каково вам жить под прожектором? — улыбнулась Ромеева.

— Жарко, но терплю.

— И еще один вопрос, не мой — зрителей: интересуются, сколько вы мне платите за пиар.

— А что стоит заплатить?

— Не стоит. Мне бы хотелось сохранить независимость... по мере возможности.

— Прекрасно. Так вы поддержите меня на референдуме, Юлия Львовна?

— Поддержу. В качестве регента. Если результаты вашей работы меня не устроят, я хотела бы иметь возможность пересмотреть решение.

5. Суд

Летать в Лагранж мне Леонид Аркадьевич так и не запретил, хотя я бы, наверное, послушался.

— Твой Хазаровский жжет напалмом, что его прокурор, — сказал отец, когда мы тем же вечером пили чай на его веранде. — Ну, Ромеева — железная дева. Во всех смыслах. Что я его целиком и полностью, с потрохами, я понял где-то на середине. Я, Артур!

— Но он отказал тебе в прощении, несмотря на подписи.

— Мне третий император отказывает. Я привык. И всем я смиренно говорю одно и то же: «Да, я понимаю». Хазаровский мне сам об этом сказал: и про прощение, и про подписи, и про отказ. Глядя в глаза. На высоте в пять километров. И объяснил все также как в интервью. В тех же выражениях.

— Не упали?

— Он был за штурвалом.

— Каков он пилот?

— Сносный, даже что-то помнит. Слушай, Артур, меня завтра в ведомство Нагорного вызывают.

Видимо, у меня был донельзя удивленный вид.

— Я тоже в шоке. Взятки мне не дают, деньги на распил не выделяют. Все остальное — дела давно минувших дней. С чего бы это я понадобился Александру Анатольевичу?

Я поднялся с места.

— Сейчас десять. Император обычно возвращается к полуночи. Я спрошу у него, в чем дело.

— Ты думаешь, он в курсе?

— Не сомневаюсь.

— К твоему отцу нет претензий, — сказал Леонид Аркадьевич. — Но есть несколько вопросов как к свидетелю. И давай пока без подробностей.

Так без подробностей я ему и передал.

О визите в прокуратуру отец рассказал мне сам.

Когда его выпустили.

— Нагорный лично со мной разговаривал, — сказал отец.

— Ну, ты же адмирал...

— И называл исключительно «мсье Вальдо». Они заподозрили в коррупции Реми Роше. Господин Роше — тессианский миллиардер, друг отца.

— Какая-то сделка трехлетней давности им показалась нечистой, — продолжил отец. — Я сказал, что совершенно ничего об этом не знаю. И что никогда не поверю, что Реми замешан в подобных вещах. Хотя, честно говоря, поверил сразу. Он гедонист и всегда, скажем так, пользовался возможностями. Положили под биопрограммер, естественно. Знаешь, полузабытое ощущение полного отключения тормозов. Думал, что не доведется уже. Удовольствие, знаешь, много ниже посредственного. Ничего нового конечно не узнали. Нагорный попросил меня написать обязательство о неразглашении. Я сказал, что дружеский долг не позволит мне его соблюсти, так что писать не буду.

Отреагировал он совершенно роскошно, — отец улыбнулся. — Ни давить не стал, не угрожать, ни даже переспрашивать. Кивнул и объявил, что я задержан на сутки, чем избавил от моральных мук. После многолетнего общения с Евгением Львовичем выбор в пользу дружеского долга перед гражданским для меня не столь очевиден.

Продержали там же в прокуратуре. В общем-то, не хуже Психологического центра, блока «F», для приговоренных к смерти. В остальных камеры не запираются. Сочувствую господам коррупциионерам. С Александром Анатольевичем не забалуешь — железный мужик.

Пока я сидел в императорских застенках, они допросили Реми. Извинения у них уже вывешены. Просят прощения за возможный ущерб чести и деловой репутации и т.д. И утверждают, что проверка показала полную беспочвенность подозрений. Реми это уже к себе перенес и вывесил на сайт своей пресс-службы вроде знака качества.

Но больше всего Нагорный поразил меня, когда извинился передо мной. Лично! «Господин адмирал, простите нас, мы иногда ошибаемся». Даже оправдываться не стал.

— Ну, он все-таки очень образованный человек, выпускник трех университетов: юрист, финансист, психолог, — заметил я. — И компанейский: острит, улыбается, байки травит. Не знал бы — никогда бы не подумал, что это и есть грозный господин генпрокурор.

— Да, острит, это точно. Я, признаться, решил, что вся эта история — следствие его убеждений. Для него же Кратос — центр мироздания, а Тесса и Дарт — так колонии, отсталые и неблагонадежные. Мы же тессиианцы с Реми. Да так ему и выложил в ответ на извинения. «Угу, — говорит. — Только что же меня сразу Гитлером, Пол Потом хотя бы для начала». «Вышинским», — говорю. Он рассмеялся. Говорит: «Господин Роше как раз начал с Вышинского и утверждал, что это ему месть за сбор подписей в вашу защиту. Поверьте мне, господин адмирал, это здесь совершенно ни при чем, была статья в газете "Утро Кратоса", мы по ней работали, надо было проверить информацию».

— «Утро Кратоса»? Я, признаться, бросил его читать.

— Именно, Артур. Хорошо знакомое «Утро» хорошо знакомого тебе «Кратоса». И подпись под статьей тебе хорошо знакома.

— Кривин?

— Конечно. Поздравляю, теперь у Нагорного на него зуб. Извиняться же пришлось, не думаю, что он был от этого в восторге. Извинения передо мной тоже вывешены. Со мной тут же связался Евгений Львович и спросил, не нанес ли мне гад Нагорный психологическую травму. Но ничего, я крепкий.

Недели через две господин Нагорный презентовал новый проект.

— Да, мы собираемся мониторить прессу, — сказал он журналистам. — Это не значит, что вам стоит чего-либо опасаться. Точнее вам стоит опасаться только одного: лгать. К сожалению, у нас клевета почему-то считается нетяжким преступлением, а так называемые «оценочные суждения» не наказуемы вообще. Последнее наверное правильно, но и первое — данность. Не я здесь законы пишу. Так что мы решили отслеживать публикации на предмет их соответствия действительности. И уже сформировали первую версию белого и черного списка изданий и авторов.

— А в каком списке у вас «Новый портал», где вас сравнили с Вышинским? — поинтересовалась вездесущая Ромеева.

— В белом. Хотя я совершенно не согласен с данным оценочным суждением. Но мы проверяли несколько публикаций на этом портале, и информация подтвердилась. Нам они очень помогли. Мы же работаем по прессе, и не хотели бы тратить время на проверку явной лжи. Так что для нас важен коэффициент доверия к каждому изданию и журналисту, который и будем периодически вычислять. К сожалению, ошибки у нас бывают. Тут надо вообще ничего не делать, чтобы не ошибаться. И знаете, я обычно радуюсь, когда мы ошибаемся. Но недавно у нас было два случая, которых можно было избежать вообще. Дальше допросов там дело не зашло, но допрос сам по себе процедура неприятная. Мы, конечно, извинились, и постарались максимально смягчить ситуацию для этих, как оказалось, совершенно невиновных людей. Но избежать этого вообще было бы гораздо лучше. Так что теперь мы будем проверять только публикации с высокими коэффициентами доверия.

— А «Утро Кратоса», где писали, что у нас император-кокаинист, у вас в каком списке? — спросил молодой журналист.

— В черном, в черном, несмотря на то, что близкое мне по взглядам издание. И не потому что император, а потому что вранье. И не только это. Не единственный случай. Если о вас, молодой человек, напишут, что вы — кокаинист, а вы придете к нам и докажете, что это не правда, издание, оклеветавшее вас, тут же будет в черном списке.

— Но есть же суды, куда можно подавать за клевету, — вмешалась Ромеева. — Зачем еще один институт?

— Не все подают в суд, к сожалению. К тому же нам нужен более оперативный инструмент. Пока там суд будет разбираться, мы уже десять раз должны принять решение.

Господин Кривин все-таки на меня подал.

Дело разбирал ныне судья, а в прошлом знаменитый адвокат — Эрих Павлович Шмидт.

Для светила юриспруденции случай совершенно плевый. Мне было даже неудобно отнимать у него время. Я сначала думал, что он взялся за него то ли, чтобы отдохнуть от хитросплетений финансовых обвинений от ведомства Нагорного, то ли из любезности. Но Александр Анатольевич объяснил мне иначе:

— Двоечник! Они по жребию дела распределяют.

Без Нагорного само собой не обошлось. Что у нас теперь без него обходится?

Генпрокуратура сочла себя пострадавшей в эпизоде с обвинениями Реми Роше и подала встречный иск о клевете. Реми Роше поддержал. В конце концов, иск поддержал и император, думаю, его Нагорный дожал. Дела, то есть мое об оскорблении действием господина Кривина, и господина Кривина о клевете на Реми Роше и Хазаровского, благополучно объединили, так что Кривин был одновременно и истцом и ответчиком, но по разным искам, а я само собой только ответчиком, поскольку «проклятие семьи» — это оценочное суждение.

Журналисты тут же написали, что я притащил с собой на суд тяжелую артиллерию в лице генпрокурора и императора. И что дело решенное. Я так не думал, и Александр Анатольевич был со мной солидарен.

— Для Эриха Павловича это не аргумент, — чуть не с придыханием сказал он.

И я понял, что имя Шмидт сияет для него где-то в невообразимой выси прямо рядом с солнцем.

И точно, Эрих Павлович разбирал дело с такой дотошностью, словно речь шла о распиле госбюджета на миллиард гео.

Допросил Роше, вызвал в суд свидетелем моего отца, вызвал Хазаровского. Император попытался было отговориться занятостью и прислать вместо себя адвоката, но с Эрихом Павловичем спорить было бесполезно, и Леонид Аркадьевич приехал в суд, причем совершенно неожиданно.

Впрочем, ничего нового не сказал:

— Я, безусловно, был оскорблен, но после пощечины Артура счел конфликт исчерпанным. Поддержать иск меня попросил Александр Анатольевич, поскольку лживые публикации отнимают у них рабочее время, чем вредят делу, а, следовательно, с ними надо бороться как с системой, и я с ним согласился.

И очень быстро уехал.

Допросили Нагорного. Александр Анатольевич сиял свежеполученной алмазной звездой «За заслуги перед отечеством», которую носил с видимым удовольствием. Эрих Павлович равнодушно скользил по ней взглядом и слегка выпячивал пухлую нижнюю губу. Слушал, впрочем, внимательно: что Роше, что отца, что императора, что генпрокурора.

Я рассказал все как есть. И что ни разу не видел у императора никакого кокаина, хотя завтракаю с ним каждый день. И что не жалею. И что я бы ему еще влепил, этой сволочи.

Кривин сказал, что у него были сведения самые точные, а императорский тест на наркотики на портале Нагорного подделан и вообще снят с биомодераторов верными императору врачами.

Хорошо, что Хазаровского уже не было в зале.

И по поводу Реми Роше и «сообщника его Анри Вальдо, который вообще не правоспособен» Кривин сказал, что его сведения тоже самые верные, просто тессианцы подкупили Нагорного.

Глаза Александра Анатольевича налились ледяной сталью, губы сжались в ниточку, и я понял, что внутри у него разгорается вулкан, а то, что на лице — это так базальтовая пробка, ненадежная как перед взрывом Кракатау.

— Что вы на это скажите, Александр Анатольевич? — как ни в чем не бывало, поинтересовался судья.

— Ваша честь, ко мне приходили естественно эмиссары с деньгами. Вначале валом валили, и я гнал их взашей. Потом стал отдавать под суд, и они быстро отучились. За всей прошлый год явился один парень, который оказался агентом СБК, что выяснилось тут же на допросе, как только я приказал взять его под стражу. Это у них проверки такие. Так что мои транзакции пусть СБК проверяет. Я не против.

Эрих Павлович невозмутимо послал запрос в Службу Безопасности Кратоса и отложил слушания до следующего утра.

— Между прочим, он сам вел два таких дела, — сказал мне Нагорный между колоннами суда, когда мы выходили из здания. — О тех, кто мне взятки носил. И они благополучно поехали к Ройтману. Так что Эрих Павлович прекрасно знает, и кто дает, и кто берет, мог бы и не проверять.

— Думаю, он хочет для вас чистой победы, — утешал я, — чтобы вообще не было никаких вопросов.

На лестнице нас окружили журналисты. Интересовались в основном Нагорным.

— Александр Анатольевич, что вы можете сказать по поводу запроса в СБК?

— Надеюсь, что там честные люди.

Решение выносили на следующий день.

Эрих Павлович открыл заседание.

— Александр Анатольевич, встаньте, пожалуйста, — начал он.

Нагорный почтительно поднялся с места.

— Александр Анатольевич, суд получил официальный ответ СБК, — сказал Эрих Павлович. — Только что он был загружен на страницу нашего разбирательства. Сейчас все присутствующие и все, кто следит за процессом по дальней и ближней связи получают ссылку на этот файл.

Ссылка тотчас упала мне на кольцо, и я прошел по ней.

В файле было страниц этак триста.

— Эрих Павлович... то есть, ваша Честь, а за какое это время? — спросил Нагорный.

— За два года, с момента вашего назначения генеральным прокурором.

— Мать, — шепотом сказал Нагорный. — Ни хрена себе, это они два года мои счета мониторили!

— Я понимаю, что файл большой, — сказал судья. — Я просмотрел его естественно. Там есть ментальный код, это будет быстрее. Так что я объявляю перерыв на два часа, чтобы все могли изучить документ. В конце там есть выводы СБК и их экспертная оценка. Я с ней, в общем, согласен. Доходы с расходами сходятся.

В выводах говорилось, что Александр Анатольевич чист, как стеклышко. Что его доходы складываются из зарплаты генерального прокурора и гонораров за лекции и консультации. Что лекции Нагорный читает раз в неделю на юридическом факультете. Что гонорары за лекции

являются средними для специалиста такого уровня. И что опрошенные свидетели из студентов подтверждают, что лекции действительно читаются, и что курс полезный и интересный. Ментальные коды лекций на портале Университета были проанализированы юристами СБК, и оплата за них найдена обычной и адекватной.

Гонорары за консультации СБК проверяла с особой тщательностью и тоже нашла их обычными и адекватными, а опрос консультируемых не выявил коррупционной составляющей.

Превышения расходов над доходами СБК не обнаружила.

Я все-таки посмотрел и основной файл, откуда узнал уйму интересного. А именно, какую кухню Александр Анатольевич предпочитает (восточнославянскую), какое вино (вообще не пьет) и какой стиль в одежде и дизайне интерьера (классический). Последнему был посвящен целый раздел, поскольку год назад Нагорный затеял ремонт в предоставленном государством особняке. Особо было отмечено, что другой недвижимости у Александра Анатольевича не найдено: как зарегистрированной на него, так и на родственников.

— Я хочу на ваш курс, — сказал я, когда мы с Нагорным перекусывали в столовой суда.

— Не вопрос, записывайтесь, — кивнул он. — Только без халтуры. А то на меня студенты жалуются. Говорят, пар много ставлю.

— Пока вроде пятерки были.

— Вот мы и проверим, чего стоят ваши пятерки.

Перерыв подошел к концу, и мы вернулись в зал.

— Кто-то хочет высказаться по изученному документу? — спросил судья.

Встал адвокат Кривина.

— Отчет СБК еще не доказывает, что Александр Анатольевич не брал взятку, — сказал он. — Ему могли дарить подарки. В отчете этого нет. И быть не может.

— У вас есть факты, подтверждающие, что такие подарки имели место? — спросил Эрих Павлович.

— Да, — сказал адвокат Кривина. — Если вы позволите, ваша Честь, Сергей Валерьевич сам их изложит.

— Конечно, — кивнул судья.

Встал Кривин.

— Как журналист я имею право не раскрывать мои источники, — начал он. — Так вот, несколько дней назад на меня вышел человек, близкий к Реми Роше и сказал, что господин Роше отправлял господину Нагорному в подарок на день рождения кольцо связи работы тессинского дизайнера Бенедикта Шенье, выполненное из белого золота и инкрустированное бриллиантами. Стоимость кольца мой источник оценил примерно в полмиллиона гео.

Я посмотрел на Нагорного. По-моему, он слегка побледнел.

— Александр Анатольевич, вы можете что-то пояснить по этому поводу? — спросил судья.

— Да, конечно, — кивнул Нагорный и поднялся с места.

— Я вас слушаю, — сказал Эрих Павлович.

— Это правда, — сказал Александр Анатольевич. — Реми Роше присылал мне кольцо. Про Шенье я знал, про полмиллиона, честно говоря, нет. В тот же день я отправил кольцо обратно. Вообще, кольцо связи, украшенное бриллиантами — это смешно. Кольцо связи — функциональная вещь и оно должно уметь только одно — позволять выходить в Сеть, а не сверкать во все стороны. А бриллианты я позволяю себе носить только эти.

И он указал на звезду «За заслуги перед отечеством», одновременно демонстрируя, что кольцо связи у него самое обыкновенное, средней паршивости.

— Ну, естественно он его не носит, — сказал Кривин. — Это же, как шапка, которая на воре горит.

— Мы просим суд провести обыск в доме господина Нагорного, — сказал его адвокат.

— Александр Анатольевич, ваше мнение? — поинтересовался судья.

— Я, разумеется, ничего не имею против, — пожал плечами Нагорный, — но, по-моему, куда проще вызвать в суд Реми Роше и попросить продемонстрировать кольцо. Надеюсь, он его не потерял и не передал кому-нибудь, — он переглянулся со своим адвокатом, — Мы заявляем ходатайство о вызове Реми Роше.

Эрих Павлович удовлетворил оба ходатайства. Правда, по поводу кривинского заметил, что обыск в доме генпрокурора должен проводиться в присутствии представителей СБК и Императорского Контрольного Комитета, сказал, что уже направил туда уведомления и перенес заседание на следующий день.

Эта тягомотина начинала мне надоедать.

— Это что! — успокаивал меня Нагорный. — Частное обвинение. За неделю управятся. Серьезные процессы могут длиться месяцами.

Он был явно расстроен.

— Придут, — вздохнул он. — Перевернут все. Ничего не найдут.

— А почему Эрих Павлович принял такое решение? — спросил я. — Разве не достаточно было просто вызвать Роше?

— Ну, а вдруг у меня весь дом забит кольцами по полмиллиона? Просто будут искать дорогие вещи, которые я не покупал. Значит, подарили. А я не имею права принимать подарки дороже, чем за сто гео.

— А если найдут?

— Не найдут.

— Ну, теоретически. Спрашиваю как студент-юрист.

— Теоретически меня могут взять под стражу, — сказал Александр Анатольевич. — Это же ЕЗ. Тяжкое, ненасильственное, должностное, экономическое преступление. А могут и не взять. Как Эрих Павлович решит. Я обычно не просил суд об аресте в таких случаях. Не «С» же! Тогда, скорее всего контрольный браслет наденут. И начнут следствие. Если арестуют, будут привозить в суд из тюрьмы. Или из Психологического Центра, если я сразу подпишу согласие на психокоррекцию.

— На сколько это потянет?

— ЕЗ? До года. Если конечно больше ничего не найдут.

— А Кривина оправдают?

— Кривина, боюсь, и так оправдают. По крайней мере, по моему эпизоду. С кокаином — не знаю. Но мне еще перед Сергеем Валерьевичем извиняться придется.

— Даже если у вас ничего не найдут?

— Да. Клевета же умышленное преступление. То есть для состава «клевета» нужно, чтобы человек точно знал, что врет. Так называемое «добросовестное заблуждение» исключает виновность. А здесь похоже на добросовестное заблуждение. «Источник» у него явно был. Знал же он про кольцо Роше.

— А меня осудят? — спросил я.

Взгляд Нагорного стал отсутствующим

— Извините, Артур, меня жена по кольцу вызывает. Там уже сбкоиды, полиция и ИКК. Сейчас начнут перетряхивать. Поеду, поприсутствую. Адвокат мой уже там. Приходите завтра обязательно. Продолжим разговор.

Во время обыска у Александра Анатольевича ничего криминального не нашли. Самым дорогим объектом оказался камин, честно оплаченный им со счета. И стоил оный камин, несмотря на презентабельны вид, примерно в сотню раз дешевле кольца Роше. Причем, вместе с дымоходом.

На следующий день заседание суда началось с допроса Реми Роше. Тессианец был невысок ростом, дороден, кучеряв и улыбчив. И с ним была девушка в три раза тоньше и на голову

выше своего спутника. С волнистыми темными волосами и карими глазами в пол-лица, почти как у Маринки. Девушку звали Вега, и она приходилась Реми дочерью. Пресловутое кольцо обнаружилось у нее на пальце.

Никакого скандала, однако, в этом не было.

— Александр Анатольевич вернул мне кольцо с извинениями и объяснениями, — сказал Роше. — И я подарил его Веге.

В тот же день судья вынес решение.

— Нагорный Александр Анатольевич, — объявил он, — на основании отчета и заключения СБК, результатов проведенного у вас обыска и показаний господина Роше и Веги Роше суд пришел к выводу о вашей полной невиновности.

— Артур Вальдо-Бронте, — услышал я голос судьи, — встаньте.

Я встал.

— Вы признаны виновным в нанесении оскорбления действием господину Кривину Сергею Валерьевичу. Согласно решению суда, вы обязаны пройти обследование в Открытом Психологическом Центре Кириополя. Суд ставит перед психологами Центра два вопроса. Первый: необходим ли вам курс психокоррекции. И второй: сколько времени потребуется для проведения курса в случае положительного ответа на первый вопрос. Заверенное решение отправлено вам на устройство связи. Копия направлена вашему адвокату и в Управление Психологических центров Кратоса. Приговор может быть обжалован в течение десяти дней.

Я опустил на место. Решение казалось мне просто жутко несправедливым. Я считал себя стопроцентно, стопудово правым.

— Кривин Сергей Валерьевич, — продолжал судья, — встаньте.

Я злоратно наблюдал, как эта сволочь встала.

— Суд установил, что вы занимались распространением сведений, не соответствующих действительности, через портал «Утро Кратоса» о господах Реми Роше, Анри Вальдо, Александре Нагорном и императоре Хазаровском Леониде Аркадьевиче. В трехдневный срок вы обязаны дать опровержение и принести извинения потерпевшим. Однако у суда остаются сомнения, было ли это умышленным деянием или добросовестным заблуждением. Поэтому, согласно решению суда, вы обязаны пройти обследование в Открытом Психологическом Центре Кириополя. Суд ставит перед психологами Центра три вопроса. Первый: было ли вам известно, что распространяемые вами сведения не соответствуют действительности. Вторым, если на первый вопрос ответ будет утвердительным, необходим ли вам курс психокоррекции. И третий: сколько времени понадобится психологам Центра для проведения курса. Решение суда отправлено вам на устройство связи. Копия: вашему адвокату и в Управление Психологических центров Кратоса. Решение может быть обжаловано в течение десяти дней.

— И ему обследование, — шепнул я Нагорному. — Только обследование!

— Да. Это стандартная ситуация. Судья же не знает, насколько глубокая коррекция там нужна. Психологи составят заключение и придут с ним обратно в суд просить о сроке. Если конечно виновный не подпишет согласие на психокоррекцию. Если подпишет — тогда сразу начнут работать.

— Сколько ему может грозить?

— До месяца. Если признают виновным.

— Его не признали...

— Пока нет. Понимаете, Артур, вина — это же отношение к преступлению: планировал, не планировал, знал, не знал, допускал возможность, не допускал возможность. Установить, виновен человек или нет, иногда без психологов невозможно. В данном случае, знал ли он, что распространяет ложь, в два счета можно было бы выяснить на допросе под биопрограммером или даже с помощью детектора. Но проступок-то ерундовый, и потому ни арестовать до суда, ни допросить с помощью технических средств без его согласия никто права не имеет. А к

психологам в Открытый Центр можно. Но только по решению суда. В общем, правильно. Все-таки психологический опрос всегда мягче нормального допроса.

— А чем Открытый Центр отличается от просто Психологического?

— Много чем. Из ОПЦ домой отпускают. Обычно на праздники и выходные, а иногда и на ночь. А могут вообще назначить несколько визитов к психологу и отпустить на все четыре. Кольца не отбирают, если конечно вести себя прилично. Охраны почти нет. И обстановка гораздо приятнее, чем в Закрытом Психологическом Центре: от больницы принципиально не отличается.

— А мне что грозит?

— Психологи посмотрят... От тех же двух-трех визитов к психологу и где-то до месяца в Центре. Открытом, конечно. Если психологи попросят больше месяца, скажем так, судья удивится. И потребует обстоятельных объяснений на тему, почему так много. Если они смогут его убедить, что меньше, ну, никак — тогда до трех месяцев. Хотя вероятность маленькая.

— А почему может быть больше месяца?

— Психиатрия какая-нибудь: депрессия, мания, расстройство личности, психологические травмы, ПТСР.

— ПТСР?

— Посттравматическое стрессовое расстройство. Но вам это не грозит, Артур. Это бывает у участников боевых...

Нагорный осекся. Вспомнил, конечно, что я как раз участник боевых действий. С отчимом успел повоевать в шестнадцать лет. Хотя это была скорее игра в войну, чем война настоящая. В самое пекло меня никто бы не пустил.

— Ну, не думаю, что вам это грозит, все равно, — продолжил он и взял меня за плечо. — Но, если курс психокоррекции назначат — пройти надо обязательно.

Мы вышли с Нагорным на улицу, к лазурному весеннему небу, расчерченному белыми колоннами этого самого «храма правосудия». Вид был просто античный.

Нас, конечно, обступили журналисты.

— Александр Анатольевич, если Кривина признают невиновным, вы перед ним извинитесь?

— Да, конечно. Хотя у меня тоже было добросовестное убеждение, что он лгал умышленно.

— Теперь его нет?

— Теперь я сомневаюсь.

Я стоял рядом с Нагорным этакой сумрачной тенью.

— Вы собираетесь подавать апелляцию, мсье Вальдо? — спросили меня.

— Пока не знаю, я подумаю, — сказал я.

— Артур, вообще-то все правильно, — шепнул мне Нагорный, когда мы вышли из их плотной толпы и спускались по лестнице. — Со стороны очень некрасиво смотрелось. Все мы в детстве дрались до крови за правду и справедливость, но теперь мы выросли, и у нас другие методы и другой язык. Кривин — возможно, гад, но, представьте себе, что будет, если я начну бить своих подопечных? До чего мы докатимся? А иногда очень хочется.

— Я с Леонидом Аркадьевичем посоветуюсь, — сказал я.

— Не думаю, что он скажет что-то другое.

— А потом можно подать апелляцию? После решения о сроке.

— После решения о сроке подать апелляцию можно только о сроке. Если хочешь оспорить виновность — подавать надо сейчас.

— И какие шансы на успех?

— Никаких. Ну, все очевидно. Кривин действительно мог не знать, что врет, поскольку верил в то, что говорил. Но вы Артур, давая пощечину, не могли же не знать, что это пощечина.

— И что мне теперь делать? Как это вообще происходит?

— Свяжутся, вызовут, все расскажут: и куда, и в какое время.

— Ох! — сказал я.

— Да не вздыхайте так тяжело. Не смертельно совершенно. У вас еще десять дней на апелляцию, так что гуляйте, наслаждайтесь жизнью.

— Тут уж, насладишься!

— Не трусьте, Артур. Бывает. Я сам туда не загремел по чистой случайности — Страдина убили. Причем в Закрытый Центр!

Я хотел было возразить что-то вроде «одно дело приговор от Страдина и совсем другое от Эриха Павловича», но меня ослепила вспышка света. В плечо словно врезался раскаленный нож.

Кто-то дернул меня вниз, я упал на белую плитку тротуара. И меня залила боль.

А потом тьма.

6. Больница

Я открыл глаза и увидел белый потолок, лазурный квадрат окна с зеленой бахромой деревьев по нижнему краю, квадратный солнечный блик на белой же стене и над кроватью квадратную лампу биопрограммера. Я не сразу понял, что биопрограммер медицинский. Мне отец рассказывал, что в Психологических центрах такие же стоят.

Плечо болело. Не радикально, но чувствительно.

Потрогал больное место — повязка.

Попытался сесть на кровати, и плечо резануло как каленым железом.

Застонал я, или мои моды передали врачам сигнал о моем состоянии, однако дверь открылась, и вошел господин средних лет в светло-зеленом халате.

— Лошарь Игорь Николаевич, — представился он, — ваш лечащий врач.

И я не сразу осознал, что «лечащий врач» означает в данном случае именно лечащий врач, а не психолог Центра.

— Очень приятно, — сказал я, изобразив вымученную улыбку.

— Больно? — спросил он.

— Немного.

Видимо, он послал сигнал на биопрограммер, потому что боль начала отступать.

— Что с Александром Анатольевичем? — спросил я. — Он жив?

— Сейчас да.

Я не смог оценить специфический медицинский юмор и взглянул на врача с некоторым удивлением.

— У него была остановка сердца, клиническая смерть, — пояснил Игорь Николаевич. — Он сейчас в реанимации. Его орден спас. «За заслуги перед отечеством». Алмазная звезда отразила луч импульсного деструктора, а так бы мы его не откачали. Вас и задело отраженным лучом.

— У меня тоже была клиническая смерть?

— Нет, но с рукой пришлось повозиться. Кость задета. Так что поосторожнее, без резких движений, пусть моды делают свою работу.

— Спасибо, вам. Все остальные живы?

— Погиб его телохранитель, Олег. Он вас бросил на тротуар и накрыл собой. Тут уж мы ничего не смогли сделать, его просто сожгли. И есть несколько легко раненых в толпе журналистов. Там же местные красоты отражают все: и ступени белые с вмонтированными фонарями, и плитка тоже белая. Луч и гулял туда-сюда несколько секунд.

Я даже не знал, что у Нагорного был телохранитель, не замечал как-то.

— А стреляли откуда?

— Говорят с гравиплана. С расстояния в километр, где-то. СБК разбирается.

— В Александра Анатольевича целились?

— Ну, естественно.

На следующий день доктор Лошарь навел меня в куда лучшем настроении.

Да и мне было лучше. Я уже сидел на кровати и не выл от боли при каждом резком движении. Только изредка с опаской поглядывал в законную лазурь на предмет болтающихся там вооруженных до зубов гравипланов. Но небо было чисто.

— Вам не скучно здесь одному? — спросил Игорь Николаевич.

— Вообще, скучно, — признался я. — Даже Сеть не спасает.

— Не хотите в другую палату переехать? К Александру Анатольевичу?

— К Нагорному? Ему лучше?

— Настолько лучше, что ему уже понадобился собеседник.

— Хочу переехать! Конечно, хочу!

Палата Нагорного располагалась с противоположной стороны коридора, и окна ее выходили во внутренний двор, что честно говоря, меня порадовало. Вместо чреватой гравипланами голубизны только окна противоположного корпуса.

Меня перевезли прямо на больничной кровати.

— Привет с того света, — встретил меня Нагорный. — И подмигнул.

Выглядел он, прямо скажем, хреново: впалые щеки и землистый цвет лица.

Я даже не нашелся, что ответить, и отчаянно пытался придумать что-нибудь остроумное.

— Не мучайся, — сказал он. — Я знаю, что выгляжу, как покойник. Ничего, что я на «ты»?

— Абсолютно нормально. И как там, на том свете? — наконец, выдавил я.

— Да, сносно, в общем. По крайней мере, спокойнее, чем здесь. Да, чуть не забыл, ангелы просили тебя больше не грешить.

— Хорошо, — сказал я.

Он рассмеялся, закашлялся, подавил стон. В палату влетел врач, посмотрел на меня как на главного подручного Малюты Скуратова. Шепнул: «У него легкие выжжены».

— Ты уж меня пока не смеши до такой степени, Артур, — сказал Нагорный. — По крайней мере, пока моды пытаются залатать мои легкие и соорудить заплатку на сердце. У меня ведь кусок сердца тоже не хватает, да, Игорь Николаевич? — обратился он к врачу.

— Да, — кивнул тот, — повреждена сердечная мышца. — Хорошо, что по касательной прошло.

— Угу! Всевышний, — он показал на потолок с видом Иоанна Крестителя, с той лишь разницей, что при этом лежал пластом, — господь, видимо, тоже ворья не любит, так что решил выкинуть меня обратно в сей грешный мир.

— Я очень рад, — сказал я.

— Честно говоря, я тоже. Господин Лошарь, покажите Артуру мою спасительницу. Она жутковато выглядит, но кто же ее упрекнет за это после всего. Право, и другой не надо.

Игорь Николаевич нагнулся и извлек из тумбочки матерчатый пакетик. Открыл, над блюдцем на прикроватном столике, и по белому больничному фарфору зазвенели и засверкали мелкие бриллианты и кусочки оплавленного золота.

— Вот так и буду теперь носить, — сказал Нагорный. — В пакетике.

Врач ушел, мы остались одни с Александром Анатольевичем.

— Ты прессу смотрел? — спросил он. — Там сегодня джихад на тему, кто нас с тобой заказал.

— Вас, — сказал я.

— Ну, да, наверное. Тех, кто мог меня заказать, можно вывешивать в Сети длинными списками. Знаешь, в древнем Китае книги писали на шелке? Сворачивали в свитки, складывали в ящички, грузили на телеги. И вот представь себе океанский корабль груженный исключительно такими телегами. И в свитках одни фамилии.

— Вы считаете, что те, кто прошел через Психологические центры, на это способны?

— Да вряд ли конечно. Скорее это те, в направлении кого я рыл, но не дорылся. Превентивная мера. Артур, ты, кстати, апелляцию собираешься подавать?

— Я еще не решил. Что вы об этом думаете?

— Все, что я об этом думаю, я тебе уже сказал до того, как нас подпалили импульсным деструктором. От пребывания на том свете мое мнение не изменилось.

Я задумался, но ответить не успел. В комнату вошел врач.

— Александр Анатольевич, — сказал он, — к вам император.

Хазаровский вошел сразу за ним, знаком приказал всем лежать и не дергаться. Игорь Николаевич пододвинул ему стул.

Леонид Аркадьевич кивнул мне:

— Здравствуй, Артур.

И подсел к Нагорному:

— Саша, как ты себя чувствуешь?

— Ну-у, — протянул он, — чтобы не лгать императору...

— Вопрос чисто практический. У меня к тебе серьезный разговор, ты в состоянии сейчас обсуждать что-то серьезное?

— Вполне... если будет не очень холодно.

— Не очень, — улыбнулся Хазаровский.

— Мне выйти? — встрял я.

Император окинул меня оценивающим взглядом и махнул рукой.

— Да, нет, оставайся, Артур, ты все равно обременен лишними знаниями.

Они говорили довольно тихо, но не настолько, чтобы я мог отключить восприятие.

— Саша, я вчера жестко поговорил с директором СБК, — сказал император. — И знаешь, что они мне сказали? Оказывается, ты им не предоставлял информацию о том, с чем работаешь, в результате они не могли предположить, откуда в тебя выстрелят.

— Оправдываются, — тихо сказал Нагорный.

— Конечно, оправдываются. Если они запросили у тебя информацию, и ты им не дал, должны были в ту же секунду поставить меня в известность. Саш, запрашивали?

— Да.

— Ты им дал материалы?

— Нет.

— А что я тебе приказывал?

— Да не люблю я этих гадов с ледяными глазами.

— Ты что девушка на святках: люблю не люблю?

— Да они все мои транзакции отслеживали за два года, как выяснилось. И совершенно без всякого согласия с моей стороны.

— Твои транзакции они отслеживали, потому что я сказал им отслеживать твои транзакции. И отследить их легко — они все в Сети. А в твои тайные архивы под грифом они не влезут без твоего позволения.

— Я думал, вы мне доверяете...

— Саш, это демагогия. Я проверяю. Пока результаты проверок меня радовали, так что мне совершенно не нужен твой хладный труп.

— Спасибо. А знаете, почему они вам не доложили?

— Интересно...

— А они меня боятся. Стибрили наверное, что-нибудь, или распилили.

— Саша, не делай голословных утверждений. У тебя есть на них материал?

— Пока нет, но будет.

— Вот тогда и поговорим на эту тему. Сейчас у нас другая серьезная тема: твоя жизнь. То, что ты ходишь под охраной — это не эффективно. Да, парень погиб, тебя спас. Плюс случайность. Но отслеживать возможности, предугадывать опасность, вести оперативную работу гораздо эффективнее. Поэтому сейчас сюда войдет директор СБК, и ты ему все выложишь, по крайней мере, основные направления.

Император кивнул мне:

— Артур, пойдем. Разговор конфиденциальный. Встать можешь?

Идти оказалось метров пять до дивана в холле. Голова здорово кружилась, но дошел.

Леонид Аркадьевич кивнул высокому подтянутому господину, ждавшему у двери.

Тот прошел в палату.

По моим воспоминаниям, еще пару дней назад СБК возглавлял другой человек.

Император опустился на диван рядом со мной.

— Знаешь, в том, что случилось, и моя вина, — сказал Хазаровский. — Я позаботился о том, чтобы Александра Анатольевича не подкупили, и недостаточно о том, чтобы не убили.

— По-моему, второе легче, — заметил я.

— Но не лучше, — улыбнулся император. — Ты как себя чувствуешь?

— Голова кружится, а так почти нормально.

— Мне господин Лошарь говорил, что все идет почти замечательно, и дней через десять ты сможешь вернуться домой.

— В Психологический Центр, — уточнил я. — И даже не через десять дней, а через восемь.

— В Открытый Центр. Апелляцию не собираешься подавать?

— А вы бы мне что посоветовали?

— Я здесь не советчик, Артур, это дело твоей совести.

— А как вы оцениваете решение судьи, Леонид Аркадьевич?

— В общем, высоко. Конечно, надо у психологов спрашивать: клевета это или добросовестное заблуждение. Прецедент опасный, может напугать честных представителей его профессии. В конце концов, у них есть право на ошибку. Пусть лучше ошибаются, чем молчат. Долг журналиста указать на проблему. На то, чтобы с ней разбираться есть другие ведомства.

— А относительно меня?

— Артур, для того, чтобы справляться даже с очень редкостной сволочью существует закон, а не кулаки.

— Понятно. Ладно, не буду я ничего подавать.

— Я этого не слышал, — сказал он. — Сам решишь.

Дверь нашей палаты открылась, и на пороге возник тот самый высокий господин.

Хазаровский обернулся к нему.

— Все в порядке, Георгий Петрович?

— Более чем, — ответил тот.

— Ну, слава богу, Нагорный жить хочет.

Император положил мне руку на плечо, и повторил еще раз:

— Решай сам.

— И все-таки я не люблю этих гадов с ледяными глазами, — сказал Нагорный, когда я вернулся в палату и сел на кровать. — Еще посмотрим, что они там смогут.

— Александр Анатольевич, а вы давно смотрели на себя в зеркало? Причем прямо в глаза?

— Ледяные, да?

— Бывает.

— Ничего не поделаешь, профессия накладывает отпечаток. Вот уйду в отставку лет через двадцать, глядишь, и глаза потеплеют. Если раньше не убьют, конечно. Как сказал император: «За свою голову отвечаешь головой». И поспорить с этим трудно. Много ты услышал из императорской нотации?

— Много, — честно сказал я. — По-моему, все очень адекватно, взвешенно и разумно.

— Сволочь мстительная, — беззлобно прокомментировал Нагорный.

— И, по-моему, нарушение приказа императора тянет на Психологический Центр.

— Тянет, конечно. Но так он мне и дал отдохнуть пару недель в Психологическом Центре!

— Начальника СБК вообще снял...

— Меня не снимет. Где он еще такого дурака найдет!

— Александр Анатольевич, можно серьезный вопрос?

— Валяй!

— У меня, видимо, срок подачи апелляции кончится раньше, чем лечение здесь. Меня могут прямо отсюда вызвать в Центр?

— Ну, кто тебя из лазарета туда потащит? Они же не садисты. Сделают запрос нашему врачу Игорю Лошарю. Он им ответит, что ты еще слаб, еле ходишь, и не стоит подвергать опасности твое нежное здоровье. На что они автоматом отложат обследование и вежливо замолчат до следующего запроса. Ты даже не узнаешь.

— И что со всеми так или только в моем нежном случае?

— Со всеми, со всеми. Даже в случае весьма приличных сроков. По экономике-то уж точно.

— А кто отслеживает транзакции местного медперсонала?

— Молодец, Артур, смотришь в корень. Я отслеживаю. Мое ведомство. Так что можешь не надеяться, что задержишься здесь навечно.

После обеда к Нагорному пришла жена. Села рядом, взглянула на него заплаканными глазами.

— Сашенька...

Я оперативно слез с кровати и смылся в коридор.

Успел услышать за спиной отчаянный шепот:

— Сашенька, брось все это, у тебя дети.

— У всех дети, у всех семья. Это же не повод, чтобы ничего не делать. Светка! Ты же всегда меня поддерживала...

И разговор затих и превратился в невнятный шепот.

Я разлегся на диване и вылез в Сеть на предмет изучения разрекламированного Нагорным джихада.

Но к океанскому лайнеру, груженому телегами с подписями ненавистников, прессе явно прибавить было нечего. По поводу того, что стреляли в Нагорного и по поручению недоиспользованного им ворья, никакого джихада не было, а напротив царил полный консенсус. Джихад начинался, когда речь заходила о конкретных фамилиях. И выкладывали их, действительно здоровыми списками.

Вечером меня навестила Марина. Она села у кровати, я взял ее руку в свои, стал целовать пальцы.

— Ну, я уж никак вас одних оставить не могу, — вмешался Нагорный.

— Извините, Александр Анатольевич, — сказал я и встал с кровати.

Мы с Мариной сбежали с глаз Нагорного в холл на тот же желтый диван, где со мной беседовал император.

— Артур, в университете тебя все поддерживают. Все за тебя.

— Спасибо им. Подписи еще не собирают?

— Как это не собирают? Уже две сотни собрали.

Я уже закончил с мизинчиком ее правой руки и перешел на левую.

— Марин, то, что я случайно попал под импульсный деструктор, нацеленный на Нагорного, не делает меня героем.

— Ты не случайно попал. Вы шли с ним бок о бок. Этот ролик всю Сеть обошел. Вы спускаетесь с ним по ступеням суда, о чем-то беседуете, и тут начинается стрельба.

Я перевернул ее руку и поцеловал в ладошку, то самое место, где скрещивались две линии, одну из них кажется раньше называли «линией удачи», а другую «линией сердца».

И уже не стал уточнять, о чем мы беседовали с Нагорным.

— И в суде вы были бок о бок и на одной стороне.

Я подумал, что в отблеске славы Нагорного, который случайно упал на меня вкупе со смертоносным лучом, есть своя прелесть. Но высказывать это вслух не стал.

— Артур, мы подадим подписи, и папа тебя простит.

— Твой папа считает, что решение суда правильное. Я с ним советовался, подавать ли апелляцию.

— Артур, подавай ради бога, мы отправим подписи в суд.

— Нагорный тоже считает, что не надо.

— Вышинский! — бросила она. — Ему бы побольше людей посадить.

Я подивился тому, как быстро славный герой Нагорный превращается в Вышинского, но промолчал.

Эти влажные глаза в тени невероятных ресниц интересовали меня куда больше всех Нагорных вместе взятых вкупе с Вышинскими.

И я коснулся губами уголка этого темного карего озера.

— Господа, мне кажется, здесь не совсем место, — услышал я голос доктора Лошаря где-то за спиной.

И Маринкины щеки налились краской.

— И Артур еще очень слаб, — добавил врач.

С последним утверждением в некотором смысле я бы совершенно не согласился.

— И в десять часов больница закрывается для посещения. Извините, Марина Леонидовна, но правила общие для всех.

Я, наверное, посмотрел на него, как на врага. Но делать было нечего, и мы с Мариной попрощались до завтра.

Утром ко мне пришел отец.

— Привет Артур! Доброе утро, господин генпрокурор.

Нагорный полусидел на кровати, но это было единственное его достижение. Подняться не пытался, да и не давали врачи.

Отец встал у окна и сложил на груди руки. По сравнению с несколько брутальным генпрокурором он смотрелся вольным художником, а не адмиралом.

— Прошу меня простить, но я, к сожалению, не могу вас покинуть, — сказал Нагорный.

— Вы нам не мешаете, господин генпрокурор, — ответил отец. — Артур, со мной связался твой адвокат. Он говорит, что ты отказываешься подавать апелляцию, хотя шансы неплохие.

Нагорный закинул руки за голову, поморщился от боли, но позыне поменял.

— Мы с Артуром решили, что он как честный и законопослушный человек, как только выздоровеет, поедет в Центр, и не будет заниматься лишним словоблудием.

— Артур, — повторил отец, полностью проигнорировав тираду Александра Анатольевича, — тебя что теперь господин Нагорный консультирует?

— В какой-то степени, — сказал я.

— А тебе не кажется не слишком разумным брать прокурора в качестве адвоката?

— Ты считаешь, что надо подавать?

— Безусловно. Во всем надо идти до конца.

— Угу, — вмешался Нагорный, — даже если ты не прав?

— Даже если не прав, — сказал отец, — чтобы не отучиться бороться в остальных случаях.

— Не досидели, мсье Вальдо, — заметил Александр Анатольевич. — Еще бы полгода. Для ровного счета: не девять с половиной, а десять. Надо Ройтману поставить на вид: недоработка!

И глаза Александра Анатольевича приобрели тот самый службистский льдисто-стальной цвет.

— Евгений Львович вам не подчиняется, — сказал отец. — И у него на этот счет другое мнение. Вы, кстати, собираетесь идти до конца?

— Я прав.

— Несмотря на жертвы? Сколько человек пострадало три дня назад?

— Я прав, — повторил Нагорный.

— Не всегда.

— Я извинился. Если бы я шел до конца, мы бы с вами здесь не разговаривали. Как только я понял, что не прав, я остановился.

— Там дальше идти было некуда. Стенка! Все допрошены, все невиновны.

Нагорный вздохнул.

— Между прочим, у них новая методика, — заметил отец. — Они теперь вводят иглу в вену. Вроде антенны для связи с биомодераторами, насколько я понял. Так что ты морально готовься, Артур.

— Какое дело! Игла в вену! — усмехнулся Нагорный. — Совершенно не больно, как катетер. Уж, Артур, думаю не из тех, кого можно напугать булавочным уколом.

— Не в этом дело, — сказал отец. — Эффективная весьма методика. Тормозов не остается вообще. Выпотрашивает на раз. Чувствуешь себя этакой биомассой абсолютно без воли к сопротивлению.

— Спасибо за высокую оценку, — усмехнулся Нагорный, — работаем. Знаете, господа, что меня больше всего поражает в этом деле? Дело ведь плевое, возможный курс совершенно плевый: не десять лет, не год — максимум месяц в Открытом Центре! И три здоровых мужика — вы, мсье Вальдо, я и император — три дня обсуждают, подавать ли апелляцию нашему замечательному мальчику. Студенты подписи собирают! Не рыпаться, подчиниться, сделать, что сказано — и не гневить бога!

И мне стало откровенно стыдно, что я отнимаю драгоценное время «трех здоровых мужиков» на всякую ерунду.

— Не рыпаться его еще научат, — сказал отец. — В его возрасте положено «рыпаться». И нет в восемнадцать лет ничего «плевого». Артур, ты-то уверен в своей правоте?

— Нет, — сказал я. — Три дня назад был уверен.

— У тебя нет внутреннего стержня, Артур, — заметил отец. — Колеблешься, как тростник на ветру. Надо вырабатывать.

7. Апелляция

На следующий день я подал апелляцию.

После занятий ко мне пришла Марина. Врач разрешил мне выйти на воздух, во внутренний двор. Там была площадка для мини-гольфа, очень приличная: искусственные маленькие скалы, водопады, ручьи, модель парусника на боку, цветущий жасмин и клематисы. И восемнадцать лунок.

Рука еще болела, но я чувствовал себя вполне в состоянии составить партию. А Марина обязалась бегать за мячиком. Последнее условие казалось мне не совсем правильным, но доктор Лошарь настоял.

Нагорный увязался за нами.

— Ребята, сто лет не играл в гольф! Я вам не слишком помешаю, если поболею?

Его фото на поле для гольфа, причем большом, я видел последний раз где-то за неделю до покушения. Но сказать «слишком» раненому герою язык не повернулся. Я очень надеялся, что Игорь Николаевич ему запретит, но тот горячо поддержал идею: больному нужен свежий воздух. И чуть не на себе дотащил его до скамейки у первой лунки. Ходил господин генпрокурор еще откровенно паршиво, как древний старик. И я только сейчас заметил, что со дня суда в его волосах здорово прибавилось седины.

И тут же простил ему назойливость.

— Давайте я поведу счет, — предложил он.

Мы согласились, во время игры не хочется отвлекаться.

Первая дорожка была простая с выступом и поворотом. Пар был два. И у меня был пар. Марина забила с третьего раза.

Нагорный честно считал и сбрасывал результаты нам на кольца связи.

— А в Психологическом Центре гольф есть? — весело спросил я.

— Ты удивишься, Артур, есть, — сказал генпрокурор. — Я Закрытый Центр имею в виду. При Страдине не было. А теперь построили, жестоко же лишать людей привычной игры. Правда, не большое поле, а мини-гольф, как здесь, только поскромнее.

И все шло как по маслу, правда, Марина чуть-чуть выигрывала. И так до седьмой лунки. Знаю я эту дорожку! Хуже только в бочку попадать. Мячик надо загнать под искусственную скалу, внутренняя поверхность которой сделана в виде мертвой петли, и оттуда он должен упасть в широкую вазу с песком.

Марина била один раз, второй, третий, и мячик все не долетал и скатывался обратно.

— Ну, кто же так бьет! — сокрушался Нагорный. — Марина, да бейте вы сильнее.

Мячик опять не долетел и упрямо скатился обратно. Марина обреченно остановила его клюшкой.

— Ах, Марина, — прокомментировал Навальный. — Не расстраивайтесь. Вы бьете так красиво, что право уже неважно, куда.

Она ударила в пятый раз и, видимо, сильно. Описав положенную ему по законам физики параболическую траекторию, хитрый мяч угодил прямо в ручей у подножия скалы.

— Да за что ж вы его купаете! — прокомментировал Нагорный.

Следующие две попытки снова закончились недолетами.

— Семь, — сказал Нагорный. — Лунка проиграна.

И бестрепетно вписал Маринке восьмерку.

— Ну, давай, герой, покажи класс, — сказал он мне.

Я взял клюшку и ударил как следует. Мячик приземлился на соседнюю дорожку.

— Двоечник! — прокомментировал Нагорный. — Чему вас только в Университете учат?

В следующий раз проклятый мяч угодил в тот же ручей, причем, по-моему, на то же место.

— Артур, — сказал генпрокурор, — ты силушку-то рассчитывай молодецкую.

Я попробовал, было, рассчитать, и получил недолет.

— Три, — сказал Нагорный.

Четвертый раз оказался не лучше третьего, а в пятый мяч пролетел от вазы буквально в двух сантиметрах.

— Мазила, — прокомментировал генпрокурор.

В шестой он упал откуда-то с верхней точки мертвой петли и прикатился к моим ногам.

— Хоть сам вставай, — сказал Нагорный.

Седьмая попытка окончилась для мяча купанием.

— Семь, — сказал генпрокурор. — Лунка проиграна.

И влепил мне законную восьмерку.

— Александр Анатольевич, лунка трудная, — сказал я.

— Нечего на лунку пенять, коли руки кривы. Помоги-ка мне.

Я подошел, подал ему руку, он тяжело встал, но доковылял до проклятой дорожки.

— Ключку давай.

Он взял ее совершенно профессионально, так что я четко понял, что только так и никак иначе и стоит держать ключку для гольфа.

— Мячик положи, — приказал он.

Я положил мячик перед ключкой.

Он ударил резко, но не слишком сильно. Мяч вкатился на внутреннюю поверхность мертвой петли, и изящно спикировал вниз прямо в песок в недостижимой вазе.

Это было какое-то чудо. Наверное, мы с Мариной одновременно открыли рты.

— Вот так! — сказал Нагорный.

И тихо мне:

— Зря ты меня не послушал. Большой катастрофы не случилось, конечно. Но не красиво это, не по-мужски.

Я не сразу понял, что это он об апелляции.

Я взглянул на Марину, и лучше бы я этого не делал, потому что она смотрела на Нагорного так, что ей впору было напомнить, что у него жена, двое детей и вообще он ей в отцы годится.

И уж было собирался что-нибудь ляпнуть по этому поводу, но Нагорный закашлялся тем самым жутким кашлем, как в первый день нашего совместного больничного существования.

И я отвел его к скамейке.

Во двор выбежал Игорь Николаевич и велел ему возвращаться в палату. Мне показалось неправильным бросать его в таком состоянии, да и ему понадобилось мое плечо.

Так что партия осталась незаконченной. По результатам первых семи лунок выиграла Марина.

Вечером мне сообщили, что кассационное разбирательство назначено через неделю.

— Кто будет рассматривать дело уже известно? — спросил Нагорный.

Он лежал под капельницей, но это не делало его менее разговорчивым.

— Осипенко, какая-то.

— Осипенко не какая-то, а Карина Юрьевна, — с уважением заметил Нагорный. — Очень грамотный юрист.

Я уже знал, что высокая оценка судьи Нагорным не сулит мне ничего хорошего.

— Я понимаю, почему твой адвокат так оптимистичен, — сказал он. — Руткевич, ведь, да?

Я кивнул.

— Ты ранен, — продолжил Нагорный, — валяешься в больнице на соседней кровати со мной. Еще два года назад, до реформ Хазаровского-Ройтмана, действовала система смягчающих и отягчающих обстоятельств. И суд давал срок с их учетом. Сейчас все эти обстоятельства никого не волнуют. Если только не меняют категорию преступления. То есть, например, если ты просто кого-то убил — тебя отправят в блок «С», а если еще и ограбил — то в блок «D». Но на продолжительность психокоррекции даже это не влияет. Она зависит исключительно от твоего внутреннего состояния и либо нужна, либо нет. И делать ее будут ровно столько, сколько необходимо психологам, чтобы нормализовать ситуацию.

— Руткевич не знает современной практики?

— Да знает! Просто есть корреляция между наличием «смягчающих обстоятельств» и продолжительностью лечения. И сейчас есть. Но это корреляция, а не причинно-следственная связь. Положительные моменты — не причина сокращения курса, а проявление лучшей психологической ситуации, которую нужно меньше корректировать. Но твое ранение не может быть таким симптомом. Просто случайность. Увы!

— То есть шансов по-прежнему нет? — спросил я.

— Никаких, — беспощадно повторил Нагорный.

За неделю я научился попадать в недостижимый песок, а Нагорный еще пару раз показывал нам «класс»: попав с первого раза в бочку, которую мы с Мариной благополучно проиграли, и, проведя мячик узким проходом на горке.

В последнем случае он даже не закашлялся и обошелся без капельницы.

Вечером, за день до предполагаемого кассационного разбирательства, к нам в палату зашел Игорь Николаевич.

— Артур, был запрос из суда о том, можете ли участвовать в судебном заседании. Я сказал, что нет.

Честно говоря, я не понимал, почему я не могу участвовать в заседании, если каждый день играю в гольф.

— Это почему? — спросил Нагорный.

— Александр Анатольевич, Артур, конечно, сможет участвовать в заседании, но после этого велика вероятность, что ему придется ехать в ОПЦ, а это рано, пусть окрепнет.

— Ну, ладно, — сказал генпрокурор. — Специалисту виднее.

— Заседание отложили на десять дней, — сказал врач. — Этого нам хватит.

— И через десять дней, чтоб был там, как штык, — сказал Нагорный.

— Да, куда ж я денусь, — заметил я. — Если я там не буду, как штык, император меня заживо сварит в кипящем жидком азоте.

Вечером пришла еще одна новость.

— Артур, а ты знаешь, что Кривин не подал апелляцию? — спросил Александр Анатольевич. — Сегодня был последний срок. Признаться, я удивлен. Думал, уж эта сволочь подаст немедленно.

— Так может, он невиновен, — заметил я.

— Может. Но тогда зачем было выжидать десять дней? В ОПЦ можно было пойти сразу. Уже бы все было ясно, он бы был дома, и душа у него не болела, что нужно идти на психологический опрос. Ну, ладно. Посмотрим, что завтра будет.

Утром события развивались.

— Сейчас около одиннадцати, — заметил Нагорный. — В десять утра наш общий знакомый Кривин должен был явиться в Центр. И не явился.

— Как это?

Мысль о том, что туда можно вот так взять и не явиться, просто не приходила мне в голову.

— Она и не должна приходить в голову законопослушному человеку, — сказал Александр Анатольевич.

— И что теперь?

— Хуже всего, что психолог не может с ним связаться. Чтобы доехать до Центра, надо сделать над собой некоторое усилие. Не у всех получается. Тогда психолог свяжется, напомним, может и домой заехать. Может и с полицией. И доставят в Центр. Если только клиент не болтается в петле. Вешаться из-за этого конечно глупость несусветная, но у меня был один такой случай. Единственный раз, когда я пожалел, что мы не взяли человека под стражу. Можно было. Там курс был больше раз в двадцать, чем может случиться у нашего журналиста. Но что-то непохоже на Кривина в петле болтаться.

— За ним сейчас поедут?

— Уже. Минут через пятнадцать узнаем, что там.

Через пятнадцать минут выяснилось, что дом Сергея Кривина пуст и, видимо, покинут несколько дней назад.

— М-да, — сказал Нагорный, — чтобы человек ударился в бега перед психологическим опросом — это первый случай в моей практике. Даже, если виновен. Ну, месяц психокоррекции максимум!

В палату вошел Игорь Николаевич.

— Господа, к вам император, — сказал он.

Хазаровский вошел, как всегда, движением ладони приказал нам не вставать, кивнул мне и подсел к Нагорному.

По-моему, генпрокурор морально приготовился к очередной головомойке. По крайней мере, вид у него был настороженный.

— Саша, как ты себя чувствуешь? — традиционно начал Леонид Аркадьевич.

— Почти отлично. Уже работаю.

— Я заметил.

Когда человек выходит в Сеть через кольцо связи, мысленно разговаривает по нему, записывает на него, внешний наблюдатель может вообще ничего не заметить. Разве что тот факт, что сосед твой отключается от реальности и почти перестает реагировать на окружающее.

Да, в последнее время, Александр Анатольевич действительно стал молчаливее и часто лежал на кровати, полужакрыв глаза. Я думал, что он просто плохо себя чувствует и старался не мешать.

А если его работу заметил Хазаровский, значит и результат был.

— Что ты думаешь о бегстве Сергея Кривина? — спросил император.

— Мне выйти? — спросил я.

— Нет, нет, Артур. Это и тебя касается, — сказал Хазаровский. — Ты же его знаешь, ты с ним судился.

— Я в полном недоумении, если честно, — ответил Нагорный. — Не бывает! Глупо! Он же честно заработал себе еще одну статью, которая гораздо тяжелее клеветы.

— Угу! Неисполнение судебного решения.

— Да. Тянет месяца на три.

— Саша, у меня есть свои соображения, я даже предпринял некоторые действия, но я хочу услышать твое мнение как профессионала. Что могло случиться?

— Либо он мертв, либо знает что-то такое, что ни в коем случае не хочет ложиться под биопрограммер в ОПЦ. Его же так еще не допрашивали.

— Вот именно, — сказал император. — Я уже подключил СБК.

— Ну, честно говоря, найти человека по кольцу связи — не теорема Тракля. Оно же сигналиит.

— Знать бы еще, где сигналит. Он за десять дней далеко мог уйти. Где искать? На Кратосе? На Тессе? На Дарте? Или еще дальше?

— Я сейчас буду оправдываться, — вздохнул Нагорный.

— Не за что тебе оправдываться. Его по закону не могли арестовать. За клевету нельзя взять под стражу.

— Мои ребята его уже ищут, к вечеру, думаю, найдут. По крайней мере, если он не покинул пределы Империи.

— Будем надеяться, — сказал Хазаровский.

К вечеру Кривина не нашли. Последняя транзакция с его кольца была зарегистрирована на Тессе пять дней назад. В столице Версай-нуво. Еще точнее в районе космопорта.

Последний факт не очень обнадеживал.

Нагорный охотно делился со мной информацией, правда, взяв обязательство не трепаться.

Еще через два дня нашли Кривинское кольцо. Его кто-то сунул в мусорный бак на задворках того же космопорта.

Хозяин же, как в воду канул.

— Ничего, — прокомментировал Александр Анатольевич. — По сигналам модов тоже можно найти человека... если только он кровь не отфильтровал. Господи! В чем же он замешан?

Кривина не нашли и на третий день, и на четвертый.

Нагорный злился и кусал губы.

На следующий день я собирался домой, мне еще надо было переговорить с адвокатом. Я нанял собственного преподавателя права, надо сказать довольно известного: Станислава Давидовича Руткевича. Кроме того, он был тессианцем и соседом моего отца. В качестве моего опекуна, оплачивал тессианское светило, понятно, Хазаровский.

Нагорный не преминул мне попенять, что я транжирю госсредства и мог бы нанять кого-нибудь подешевле. Хотя, мне совершенно точно известно, что император оплачивал это из личного кошелька. Между прочим, с сайта Нагорного и известно.

— Если бы не ты, Леонид Аркадьевич наверняка нашел бы этим деньгам лучшее применение.

Я промолчал, сделав вид, что очень занят сбором вещей.

— Артур, ты меня навести завтра после заседания, хорошо? — попросил он на прощание.

— Ну, если меня не скрутят по рукам и ногам и не отправят в Центр срочным порядком.

— Да, кому ты нужен! Сам доедешь, когда пригласят. И не сразу после заседания, на следующий день, скорее всего. Приходи завтра, я тебе все расскажу.

На кассационном разбирательстве мой адвокат расписал, что я его лучший студент и вообще славный парень, мои однокашники, как и обещали, пришли с подписями и скинули их судье на кольцо.

Карина Юрьевна спросила меня, как я сам оцениваю свой поступок.

Я сказал, что в принципе считаю себя правым, но у меня есть определенные сомнения по поводу метода, и что конечно решить дело по закону было бы более правильно.

И меня снова признали виновным и обязали пройти обследование в ОПЦ. Отличий не было. Никаких.

Часа в четыре я был уже в больнице у Нагорного.

— Я смотрел заседание на портале суда, — сказал он. — Бедная тетушка Осипенко! Как же ей хотелось тебя оправдать! Это было просто видно. Невооруженным глазом. Как в человеке борются веление сердца с велением долга. И последний, наконец, побеждает. Картинка!

— Почему же не оправдала? — спросил я.

— Потому что не могла. У нее имя, репутация. Понимаешь, юриспруденция — точная наука. При Страдине, конечно, господа юристы умножали два на два и сплошь и рядом получали пять. Но сейчас, слава богу, другие времена.

— Значит, все, — сказал я. — Мне ехать в Центр.

— Нос подними! — улыбнулся Нагорный. — Это пока обследование.

— Ладно, что там с Кривиним? — спросил я.

— Да ни черта! — выругался Нагорный. — Давай лучше о тебе поговорим. В Открытый Центр тебе, скорее всего, завтра часам к десяти, такова обычная практика. Адрес лови.

И адрес вместе с привязкой к навигатору упал мне на кольцо. Оказалось где-то на севере Кириополя, почти в зеленой зоне.

— Свяжутся с тобой, наверное, сегодня вечером. По крайней мере, я просил Евгения Львовича, чтобы психологи связывались с клиентами заранее и не бросали письма, как в случае Кривина, а обязательно говорили. Он вроде не возражал. Так. Тебе сбросят адрес, который у тебя уже есть, и скажут во сколько, какой этаж и номер кабинета. Не опаздывай, пожалуйста. Неисполнение судебного решения, куда более тяжелая статья. Курс больше раза в три.

— Да, доеду, Александр Анатольевич.

— Надеюсь. Как только с тобой с тобой свяжется психолог, свяжись со мной и скажи, кто тебя будет вести. Ты же у нас человек, обремененный лишними знаниями. Он конечно и сам догадается быть поскромнее, но на всякий случай. Так. Будет очень подробный развернутый допрос под биопрограммером. Они говорят «психологический опрос». Нужно это для составления психологического заключения, которое они передадут в суд, когда будут просить утвердить продолжительность курса. Интересоваться будут всем вплоть до детских страхов пятнадцатилетней давности.

— Не помню, — усмехнулся я.

— Не бери в голову, вспомнишь. И их еще некоторые профессиональные моменты интересуют. Развлечение, по крайней мере, до обеда. Бывает, что кормят обедом, а потом еще часа четыре. Так что ты на завтра ничего не планируй. Если даже рано закончат, все равно будешь лежать пластом. Сам минипланом не управляй, ставь на автопилот или вызывай такси. Так. Как это происходит. Тебе вводят в вену иглу. Это антенна, твой отец совершенно правильно сказал. Кольцо связи снимаешь. Сеть вырубится. Не паникуй. Это ненадолго. Психолог запускает биопрограммер, и ты начинаешь отвечать. Процесс контролировать не будешь. Ощущение прямо скажем не фонтан, зубы лечить несколько приятнее, но ничего, потерпишь. Завтра ты уже никуда больше не попадешь, а послезавтра дуй ко мне. Расскажешь, как все прошло, а у меня, может, и по Кривину будет что-то новенькое.

У выхода из больницы меня обступили журналисты. В общем-то, они приставали ко мне еще у суда, но я отказался от комментариев. Ну, до больницы проследили.

— Мсье Вальдо, вы собираетесь завтра ехать в Центр?

— Вне всякого сомнения.

— Но господин Кривин не явился в Центр...

— Ну и что? Я же не господин Кривин.

— Многие считают вас правым...

— Люди, которых я уважаю, убеждают меня, что это не совсем так.

— Генпрокурор?

— В том числе.

— Император?

— Да.

— Вы не собираетесь просить его об отмене приговора?

От этого вопроса я даже остановился.

— У него есть такое право, — уточнил журналист. — Вето на приговор. А вы — член семьи.

— Да, у меня язык не повернется просить его об этом!

— Почему?

— Потому что, если для него нет никаких предпочтений, для меня их тем более быть не должно.

— Вам страшно?

— Да, но это не значит, что я не доеду.

Вечером меня вызвали по кольцу связи.

— Артур Вальдо-Бронте? Это Старицын Олег Яковлевич, я ваш психолог.

Голос звучал как-то совсем не страшно.

— Да, — сказал я.

— Приходите к нам завтра к одиннадцати. Постарайтесь хорошо выспаться. Четвертый этаж, кабинет двадцать. Не опаздывайте, пожалуйста.

И он скинул мне адрес, который у меня уже был.

— Сколько это займет времени? — спросил я.

— Посмотрим. Скорее всего, до вечера.

— Хорошо, я буду.

И все было так буднично, вежливо и спокойно, словно меня действительно вызывали к врачу.

Так что я устыдился всей возни с апелляцией, которую затеял по этому поводу.

Я связался с Нагорным.

— Старицын, какой-то, — сказал я.

— Не какой-то, а Олег Яковлевич, — наставительно ответил генпрокурор. — Мы с ним на одном курсе учились. У него семь книг по психокоррекции, между прочим. Хочешь, скину?

И тут мне стало откровенно страшно.

— Да, — вяло сказал я. — Скидывайте, Александр Анатольевич. Только я все равно не успею прочитать.

— Сегодня не успеешь, потом прочитаешь. Лови!

Я читал до половины двенадцатого, пока не вернулся император. Потом взрослая часть семьи пила чай на балконе. Было уже совсем тепло, даже в это время. Пахло жасмином и первыми розами.

— Артур, тебе завтра рано вставать, — сказал император.

— Не очень, — сказал я. — К одиннадцати.

— Тебе надо выспаться, — повторил он.

— Мне мой психолог тоже самое говорил.

— Правильно говорил. Потому что тебе может плохо стать под биопрограммером. Давление может упасть.

Кто психолог он не уточнил, но я уверен, что знал.

Про недосып и давление я тоже уже знал. Из книги Старицына.

— Старицын пишет, что это штатная ситуация, — заметил я.

— Ты конечно молодец, что его читаешь, — сказал Хазаровский. — Но сейчас закрой этот файл, если он у тебя еще открыт, и иди спать.

Перевел взгляд на дочь:

— И Марина сейчас пойдет спать.

И поднялся с места.

— Государь, — сказал я. — Можно попросить у вас пять минут?

— Да, конечно.

Он махнул рукой женской части семьи и сел напротив меня. Мы остались одни.

— Леонид Аркадьевич, мне тут журналисты сказали, что у вас есть право вето на судебные решения...

— Есть. И что? — спросил он совершенно ледяным тоном.

Пяти минут не понадобилось, хватило одной.

— Это все, о чем ты хотел у меня спросить? — уточнил он.

Я кивнул.

— Тогда пошли, — сказал он. — И спать, Артур!

8. Психологический опрос

Заснуть я не мог. Мысль постучаться в комнату к Марине, разумеется, пришла мне в голову, я даже надеялся на успех, но тот факт, что завтра это все станет известно совершенно чужому человеку и ничего сделать с этим я не смогу, остановил меня.

И я снова углубился в чтение опуса Старицына. Никогда не думал, что буду запоем читать книгу с таким названием: «Особенности психокоррекции в Открытом Психологическом Центре».

Заснул я около семи утра.

В девять меня разбудило кольцо связи.

Без пятнадцати одиннадцать я подходил к Открытому Психологическому Центру. Здание казалось не страшным и действительно напоминало больницу. Но вход был через пункт охраны. Возле стеклянных дверей висела табличка: «Кириопольский Открытый Психологический Центр. Диагностическое отделение».

У входа меня подкараулили журналисты. С десятков видео и фотокамер приготовились фиксировать каждое слово и записывать каждый шаг.

— Извините, я опаздываю, — сказал я.

Я открыл дверь и вошел в холл.

Представился охраннику.

— Артур Вальдо.

Тот очевидно проверил сигнал с моего кольца и кинул.

— Двадцатый кабинет. Это на четвертом этаже. Лифты направо.

Я прошел мимо диванов в холле.

Светлая плитка на полу, светлые стены, пара деревьев в кадках у окна.

Лифты появились в меню кольца. Я вызвал свободный. Самый обыкновенный лифт. Приехал, услужливо открыл двери. Внутри оказалось зеркало и отделка под дерево.

Обстановка успокаивала. Точнее пыталась успокоить. Получалось не очень.

Вот и четвертый этаж. Кабинет номер двадцать в десяти шагах от лифта.

Без пяти одиннадцать.

Я сел на диван напротив двери.

Долго ждать не пришлось. Дверь открылась, и в проеме появился человек примерно одних лет с Нагорным, русоволосый, еще не седой. Высокий лоб, прямой нос, серые глаза под светлыми бровями смотрели внимательно. Морщинки у глаз, мягкие черты лица. Если бы я встретил его на улице, не зная, кто он по профессии, наверняка бы принял за врача или учителя.

И одет в светло-зеленый халат, совсем как в больнице.

— Артур Вальдо-Бронте?

— Да.

— Заходите.

Внутри кабинет тоже напоминает больничную палату: кровать с никелированными бортами и приподнятым изголовьем застелена белой простыней, над ней прямоугольный биопрототип, тоже принципиально не отличающийся от больничного, справа от меня — стол с двумя стульями.

— Мне туда? — спросил я, кивнув в сторону кровати.

— Нет. Пока за стол. Садитесь.

И я услышал, как за спиной шелкнул замок.

Старицын сел напротив и изучающе посмотрел на меня.

— Артур, сколько спали?

— Два часа.

— Понятно. Хоть домой отправляй.

— Ну, это же штатная ситуация, биопрограммер обычно справляется, — нагло процитировал я. — А на крайний случай у вас наверняка есть инъектор с кофеином.

— Есть, конечно.

Он открыл ящик стола и выложил белую капсулу с иглой в герметичном пластиковом пакете.

— Откуда знаете мои книги?

— Всю ночь читал.

Он улыбнулся.

— Да, это конечно уважительная причина. А какую?

— «Особенности психокоррекции в Открытом Психологическом Центре».

— Отлично. Для нас самая актуальная. Много прочитали?

— Страницы до сотой.

— Очень хорошо. Значит, про предварительный психологический опрос уже все знаете?

— Все, что там написано. И Александр Анатольевич мне рассказал.

— Александру Анатольевичу привет передавайте, мы с ним вместе учились.

— Я знаю.

Он кивнул.

— Что еще запомнили из первых ста страниц, кроме кофеина?

— Что вы сейчас пытаетесь установить со мной раппорт, пробить психологическую защиту, чтобы я раскрылся.

— Угу. Пятерка. А вы сейчас ни в какую не хотите раскрываться. Зачем? Чтобы мне жизнь медом не казалась?

— Понимаете, когда знаешь методику и видишь, что именно ее против тебя и применяют, очень трудно принимать слова за чистую монету.

— Ну, первую ошибку нашли. Артур, никто против вас никакой методики не применяет. Я ее применяю для вас и за вас. У нас до сих пор распространено восприятие Психологического Центра как наказания. Да ни наказание это вообще!

— Помню, лечение. Выучил.

— Ну, пусть будет «совершенствование», если вам так не нравится «лечение».

— А зачем вообще нужно все это словоблудие? Все же сделает биопрограммер.

— У вас кольцо связи есть?

— Конечно.

— Вы можете на него скачать абсолютно любой текст?

— Ну, естественно.

— И любой университетский учебник?

— Разумеется.

— Тогда зачем вам преподаватели?

— Вообще-то можно обойтись.

— Можно. Но с преподавателем эффективнее. Потому что он и объяснит, и разберет трудные моменты, и покажет, как задачка решается. Вот мы этим и занимаемся.

Я пожал плечами:

— Занимайтесь.

Он вздохнул.

— Артур, на самом деле я очень рад, что вас направили ко мне. Вы очень интересный человек. Пасынок императора, сын сепаратиста и бунтовщика. Что у вас в душе творится с таким наследством?

— Думаете, нет ли раздвоения личности?

— Растроения. Там же еще Леонид Аркадьевич влияние оказывает. Верно?

— Да.

— Или расцветверения? Вы ведь последние две недели лежали в больнице с генпрокурором Нагорным. Тоже сильная яркая личность.

— Расцветверение — это уже что-то из мрачного средневековья, — заметил я.

— Там было четвертование. Не тяжело?

— Ну, когда Нагорный говорит: «Не подавай апелляцию это слабость, это не по-мужски, поезжай в Центр и не рыпайся»; император говорит: «Я тебе не советчик, это дело твоей совести, решай сам»; а отец: «Во всем надо идти до конца, подавай апелляцию, борись». Ну, трудно, конечно, Олег Яковлевич.

— Отец победил?

— Да. Он мне, наверное, просто ближе по характеру. Я и Леонида Аркадьевича, и Александра Анатольевича уважаю безмерно.

— Так, Артур, у вас рубашка с короткими рукавами, — констатировал он.

И у меня пробежал холодок по спине.

— Да, — кивнул я.

— Давайте на кровать, обувь снимайте, ложитесь.

Я прекрасно понимал, почему именно сейчас. Потому что я начал раскрываться, отвечать, начался «человеческий разговор», как он пишет в своей книге. Надо сказать, сделал он меня где-то минут за пять.

Я лег. Он вынул из ящика стола еще нечто миниатюрное в прозрачном пакете и также упакованные резиновые перчатки. Принес вместе с инъектором на столик у кровати. Сел рядом. Откуда-то из-под столешницы возник пузырек, видимо, с дезинфицирующим веществом и ватный тампон.

— Руку давайте. Левую. Ладонью вверх.

Он надел перчатки, распаковал второй пакетик. Там оказалась игла с маленьким металлическим шариком на конце. Действительно похоже на булавку.

Тампон коснулся вены на локтевом сгибе. Игла пробила кожу, так что на поверхности остался только шарик.

Все произошло почти мгновенно, я ничего не успел почувствовать.

— Руку пока не сгибайте, — сказал Олег Яковлевич. — Кольцо связи снимайте. Осторожно. Давайте мне.

Сеть пропала. Я услышал только, как кольцо звякнуло о стеклянную столешницу возле изголовья.

— У нас разговор пошел, так что я буквально чуть-чуть. И надеюсь, инъектор нам не понадобится.

У меня слегка закружилась голова.

— Голова кружится? — спросил Олег Яковлевич.

— Немного.

— Ничего страшного. Это нормально. Не тошнит?

— Нет.

— Ну, поехали.

Вопросов было несметное количество. Все я не помню, хотя все время оставался в сознании. Зачем были некоторые из них, не понимаю до сих пор. Я отвечал на автомате, иногда выдавая длинные тирады на короткие вопросы. Не то, чтобы я совсем не контролировал процесс, но контроль был сильно ослаблен. Придумать что-нибудь или соврать было невозможно совсем.

Я один раз попытался сопротивляться, когда речь зашла о так называемых «преступлениях» моего отца. Даже не думал, что это для меня так болезненно.

И голова закружилась сильнее.

— Артур, не закрывайтесь, — сказал Олег Яковлевич. — Я вынужден увеличивать мощность, вы так до инъектора доиграетесь. Не тошнит?

— Нет.

— Ну, давайте перерыв сделаем, — наконец сказал он.

Он, видимо, выключил биопрограммер, потому что комната встала на место.

— Иглу пока не снимаем, — проговорил он. — Без кольца потерпите. Не пропадет. Здесь есть кафе: пообедаем, потом продолжим.

— А сколько сейчас времени? — спросил я.

Было очень непривычно об этом спрашивать. Кольцо всегда выдает информацию.

— Без пяти три.

Значит, я уже четыре часа в Центре.

Кафе оказалось на том же этаже, за что я был благодарен: меня пошатывало.

Олег Яковлевич усадил меня за столик, а сам пошел за едой.

Принес поднос с бульоном с пряностями, какое-то мясо на второе и чашку черного кофе.

— Бульон выпить, кофе — тоже, мясо съесть, — проинструктировал Старицын.

— Это что вместо инъектора?

— Ну, можно считать, что да.

Я стеснялся булавочной головки в вене и прятал руку: в кафе был народ. Хотя, по-моему, никто не обращал внимания.

Бульон пах белым перцем и базиликом, и здорово обжигал небо, но все равно был в кайф.

Старицын притащил себе такой же.

— Тоже отнимает энергию? — спросил я.

— Еще бы! Легче лес валить.

— И как результат?

— Результат пока не окончательный... Артур, проблемы есть. К нам ведь попадает народ с полной ерундой. Оскорбления, клевета, мелкие потасовки, кражи очень мелкие, коммерческие нарушения, налоги. А начинаешь копать и понимаешь, что это маленькая вершина айсберга, которую мы случайно заметили — и слава богу, что вовремя заметили — а там в глубину ледяная гора на полкилометра.

— И большой у меня айсберг?

— Средних размеров. Справимся. Но работать нужно.

— Сколько это займет времени?

— Недели две, но... Артур, когда у вас сессия в Университете?

— Через неделю.

— Вы были в больнице. Сможете нагнать материал?

— Если не буду каждый день с утра до вечера торчать у вас, то смогу.

— Понятно, о том и речь. Интеллектуальную деятельность вообще трудно совмещать с лечением в Центре. Сколько времени займут экзамены? По минимуму?

— Недели три.

— Значит, всего четыре. Давайте договоримся так. Мы сегодня заканчиваем опрос. Завтра-послезавтра будет психологическое заключение. После этого вы можете подписать согласие на психокоррекцию. Подпишите?

— Я подумаю.

— Хорошо. Если не надумаете, мы пойдем в суд. А потом я дам вам отсрочку по учебе на четыре недели.

— Здорово, — сказал я.

— Но... Артур, есть одно но. Через четыре недели вы со мной связываетесь, приезжаете сюда и остаетесь.

Я, наверное, побледнел.

— В стационаре при Центре, — продолжил он. — Обстановка как здесь, на диагностике, никаких дополнительных ограничений, кольцо связи у вас остается, только не под биопрограммером, разумеется. Уходить оттуда нельзя без разрешения психолога, но, если очень будет нужно домой, скажете мне, на ночь отпущу, конечно.

— На все две недели к вам?

— Пока не знаю. Будет видно после психологического заключения.

Обед, между тем, был уничтожен, кофе выпит.

— Пойдемте, продолжим, — сказал Олег Яковлевич.

Мы вернулись в его кабинет, и я лег под биопрограммер.

— Сейчас может быть немного тяжелее, — сказал Старицын. — Плохо себя почувствуете, говорите. Головокружение не в счет.

Голова закружилась сразу, как только он включил прибор. Светлый прямоугольник окна смещался сантиметров на десять вправо и вверх, вдруг непостижимым образом оказывался на месте и снова начинал движение.

Тошнота подступила к горлу.

— Я все вижу, — сказал Олег Яковлевич, — сейчас будет легче.

Легче стало, но комната по-прежнему качалась, как корабельная палуба.

Процесс я не контролировал, вспоминал вещи, о которых даже не подозревал, что помню. Отца в молодости. Его корабль и тот день, когда он взорвал имперский лайнер с тремьями пассажирами. Я даже не помнил, что в этот момент мама была с ним, и я был с мамой. Вспомнил, как они расстались, и мы с мамой улетели на Тессу. Вспомнил пожилую даму, которую все называли «государыня», и она держала меня на коленях. И Хазаровский, молодой совсем, без седины, что-то с улыбкой ей рассказывал.

Я вспоминал войну, эпидемию, Даниила Данина, за которого вышла замуж моя мать. То, как он стал императором, и как умер.

Я почувствовал укол в вену правой руки, и комната остановилась.

За окнами была тьма.

— Инъектор? — спросил я.

— Да. Ну, все. Мне, в общем, все ясно. Давайте руку.

Он вынул, наконец, булавку из моей вены.

— Берите кольцо.

Я взял его со столика, где оно и лежало все время. Надел. Увидел Сеть. И настало счастье. Было девять часов вечера.

— Еще одна маленькая деталь, — сказал Олег Яковлевич. — Идите сюда.

Он подошел к тому самому столу, за которым утром начался наш разговор. Открыл ящик и извлек из него очередной предмет в пластиковой упаковке.

— Садитесь, давайте руку.

Я уже приготовился к очередной инъекции, но в упаковке оказался полупрозрачный пластиковый браслет. Старицын замкнул его мне на запястье. Браслет растекся холодным расплавленным воском и плотно охватил руку — ни конца, ни швов.

— Это контрольный браслет, Артур, он не снимается. Я вам в принципе верю, но так надо по закону. Все пациенты Открытого Центра обязаны носить такие браслеты: в Центре, на отсрочке, дома, если психолог отпустил домой. Сигнал с кольца он не блокирует, так что Сеть от вас никуда не денется.

— Он теперь будет сигналить вам, где я нахожусь?

— Да. И не только мне. В Управление Психологических Центров — тоже. И в Центр электронного мониторинга полиции Кириополя (ЦЭМПК). Портить браслет нельзя. Это очень опасно: потеряете сознание.

— А что ему может повредить?

— Случайно не испортите, — улыбнулся Старицын, — вещь весьма прочная. Воды не боится: можно мыться, можно купаться. Не пилить и не нагревать до температуры выше двухсот градусов по Цельсию.

— Я не сумасшедший, — сказал я.

— Очень на это надеюсь. Согласие надумали подписывать?

— Две недели в ОПЦ?

— Скорее всего. Точно скажу после ПЗ.

— Психологического заключения?

— Да.

— Сколько у меня будет времени на размышление?

— Три-четыре дня. Если мы в течение трех дней после составления ПЗ не отправим ваше согласие в суд, Эрих Павлович назначит заседание.

— Я посоветуюсь с адвокатом.

— Давайте так. Вы с ним свяжетесь, и на днях мы втроем сядем и все обсудим. Я объясню, почему стационар. У вас с ним, может быть, будут другие предложения. Возможно, и Эриха Павловича беспокоить не придется.

— Хорошо, — сказал я.

— Вас ведь Руткевич защищает?

— Да, Станислав Давидович.

— Дайте ему мои координаты.

Я кивнул.

— В принципе здесь можно поесть. Или домой?

— Домой.

— Ну, хорошо. Я вам вызову такси. Как вы себя чувствуете? Голова не кружится?

— Нет. Но спать хочется жутко, — признался я.

— Ну, вернетесь и спите.

Он проводил меня до выхода из Центра и посадил в миниплан.

Огни города упали куда-то вниз, потом начали приближаться. Я не заснул только из-за краткости полета, не успел.

Миниплан приземлился у входа в императорский дворец. Я кивнул охраннику. Он проводил меня взглядом, по-моему, насмешливым. Зато в прихожей никого не было, так что я смог спокойно доползти до своей комнаты и упасть на кровать.

Часов в одиннадцать меня вызвал по кольцу Нагорный.

— Артур, можно мне твой опрос посмотреть?

— У меня его нет, — сонно ответил я.

— У тебя его и не должно быть. Я спрашиваю можно ли посмотреть.

— Да... наверное...

— Ну, хорошо, отсыпайся. Вечером залетай ко мне.

Я спал до обеда, потом меняхватило только на то, чтобы зайти на сайт Универа и посмотреть расписание зачетов.

У Александра Анатольевича я был часов в шесть.

— Неужто, жив! — встретил меня он. — Проходи, садись.

Я сел на бывшую свою кровать, которая теперь пустовала.

— Ну, что не так страшен черт, как его малюют? — поинтересовался генпрокурор.

— Терпимо, только голова кружится.

— Угу! Ласково, куртуазно с перерывом на обед, на минимальной мощности биопрограммера поговорили о детских страхах.

— Вас, наверное, никогда не допрашивали, Александр Анатольевич, — заметил я.

— Да, ну, наверное, не допрашивали меня. Когда при Страдине, против меня в первый раз возбудили дело, допрашивали целый день. И не на единичке, как тебя, а на восьмерке, так что колбасило по полной. Только они так и не придумали, что с этим делать. Протокол можно было вывешивать в Сети под лозунгом: «Найди-ка компромат!» Больше не допрашивали, за бессмысленностью. Твой, кстати тоже можно вывешивать. Не компромат же то, что ты до шести лет летал с Анри Вальдо, в восемь тебя держала на руках императрица Анастасия Павловна (не знал, кстати), а в шестнадцать ты хлестал кока-колу с настоящим кокаином с будущим императором Даниным Даниилом Андреевичем. Хотя последнее компромат, конечно, но на Данина.

— Олег Яковлевич сказал, что у меня большие проблемы.

— Насчет больших он явно преувеличил. Ну, или ты.

— Он мне дал отсрочку на месяц до окончания сессии, потом я должен приехать туда же, в стационар и остаться на две недели. Все равно, что Закрытый Центр.

— Совершенно не так. Обстановка гораздо мягче, и ты сможешь уезжать на выходные. У него же частная практика — что он будет с тобой в выходные возиться? И кольцо связи останется у тебя.

— Частная практика...

— Конечно! Дизайн личности, психологическая помощь. Ты бы знал, какие у него гонорары!

— Я что должен быть благодарен за лечение за казенный счет?

— А ты не иронизируй. Знаешь, почему он тебя в стационар тащит?

— Наверное, грешен сильно.

— Да, ладно! Он считает, что у тебя психологическая травма. И поспорить с этим трудно.

— В связи с моим отцом? Из-за того, что я стал свидетелем взрыва корабля с пассажирами?

— Ну, конечно. Ты кстати, книги его прочитай. Там много на тему лечения психологических травм.

— Я уже начал.

— Молодец. Я бы на твоём месте экзамен сдал по психокоррекции — все равно все узнаешь. Возьми дополнительный предмет, в жизни пригодится.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

9. Психологическое заключение

Утром со мной связался Старицын.

— Артур, психологическое заключение готово. Посмотрите.

И текст упал мне на кольцо.

В заключении говорилось, что моральные нормы у меня инсталлированы, IQ высокий, локус контроля (знать бы еще, что это) интернальный, что наркотики я пробовал (алкоголь), стимуляторы — тоже (кокаин), но зависимости нет, и что основные мои проблемы — это сниженный самоконтроль в аффективных ситуациях и психологическая травма, связанная с преступлением отца. И что лечение в Центре необходимо, должно проводиться в стационаре при ОПЦ и займет 10-14 дней.

К психологическому заключению прилагался «План психокоррекции», где первым пунктом стояло «редактирование генома». Подзаголовок сопровождался двумя абзацами малоопытных терминов, явно относящихся к нейрофизиологии. Что такое «редактирование генома» я, в общем, знал, и мне стало не по себе. Второй пункт назывался «редактирование нейронной карты». И мне стало еще паршивее.

Минут через пятнадцать со мной связался Нагорный.

— ПЗ читал? — спросил он.

— Да. Александр Анатольевич.

— Все понял?

— Не совсем. Во-первых, что такое «локус контроля»?

— Двоечник! Интернальный локус контроля означает, что ты сам считаешь себя ответственным за то, что происходит в твоей жизни, а не внешние обстоятельства. И это очень хорошо. Вообще заключение хорошее. Что такое «сниженный контроль в аффективных ситуациях» понял, надеюсь?

— Вроде да.

— Планку поднимут. Не бог весть, какая сложная задача. У них это обкатано тысячу раз. Половина блока «С» с этой проблемой.

— «С»? — переспросил я. — Это же насильственные преступления.

— Ну, да. Драки, потасовки, хулиганство, телесные повреждения. Понимаешь, Артур, у тебя культура высокая, и поэтому ты влепляешь пощечины, а простой народ в этом случае дает в морду и попадает на «С». И тоже считает себя правым, пока не убедят в обратном. И ненавидит умников, которых отправляют в Открытые Центры, в общем-то, за то же самое.

— «С» — это разве не убийства?

— Убийства начинаются с «С3». Бытовые убийства без отягчающих обстоятельств. И там те же проблемы. Кстати, ты можешь представить себе Хазаровского, который дает кому-нибудь пощечину?

— Нет.

— А меня?

— Тоже нет.

— Ну, вот и думай. Согласие подписал?

— Нет.

— Господи! Да почему? Две недели всего! Отсрочка!

— Там «редактирование генома».

— Ну, и что? Безопасная, миллион раз проделанная процедура. И у тебя там чуть-чуть.

— И «редактирование нейронной карты»...

— А ты думал, что такое психокоррекция? Разговоры? Кстати разговоры — это тоже редактирование нейронной карты, только менее эффективное.

- Я не думал, что все будет так серьезно.
- Артур, ничего страшного. С таким ПЗ совершенно оптимально.
- Старицын предложил сесть втроем вместе с моим адвокатом и поговорить.
- Ну, поговорите. Время только потеряете. Ладно, скажешь о результате.

Для «поговорить» Старицын попытался вытащить нас с Руткевичем в ОПЦ, но Станислав Давидович предпочитал общаться на своей территории. «Тогда после семи вечера, — сказал Олег Яковлевич. — У меня пациент».

В половине восьмого мы собрались в офисе Руткевича за большим овальным столом. Помощница адвоката принесла кофе.

— Артур, Станислав Давидович, — начал Старицын, — я обещал объяснить, почему стационар. Артур, помните, как вы себя чувствовали два дня назад после опроса?

— Да, — сказал я.

— А теперь представьте, что так пять недель по четыре раза в неделю. По восемь часов в день, не считая обеда. Представили?

— Олег Яковлевич, но тогда получается двадцать сеансов, а в стационаре от десяти до четырнадцати.

— Да десять! — сказал Старицын. — На выходные домой уедите. Станислав Давидович, может, вы объясните Артуру, почему такая разница.

Руткевич вздохнул.

— Объясню. Артур, дело в том, что в каждой комнате в ОПЦ над кроватью стоит био-программер. И пока вы спите с одиннадцати до восьми, он работает. Так что в стационаре за десять дней практически проводят не десять, а двадцать сеансов.

— Спасибо, Станислав Давидович, — сказал Старицын. — Именно так. Причем, эти девять часов сна для психокоррекции совершенно необходимы. Даже, если к нам ходят на сеансы, без стационара, первый сеанс, мы смотрим, какие связи между нейронами нам надо разорвать, какие выстроить, и где эти нейроны находятся. И для этого человек должен быть в сознании. А вот на следующем сеансе, моды под управлением БП будут разрушать и строить то, что мы наметили.

Процесс безболезненный, но для него нужны препараты, которые заставят нейрон вырабатывать белок, необходимый для строительства дендритов и аксонов. Или содержащие нужный белок. К намеченным нейронам их доставляют моды, но сначала они должны сами адсорбировать лекарство. То есть вы либо принимаете таблетки, либо вам делают инъекции, либо вы лежите под капельницей. Причем, большинство препаратов обладают достаточно неприятными побочными эффектами: седативным, как правило, иногда слабость, голова кружится, тошнота. Так что спать будет хотеться все равно. И лучше спать. Потому что вы ни на что не отвлекаетесь, биопрограммер строит нейронную сеть, а вы ему не мешаете.

Теперь представьте, вы у меня днем выспались, приезжаете вечером домой, и спать вам не хочется. А на следующее утро опять к нам, причем спать я вам не дам, потому что нам нужно снимать нейронную карту и записывать на БП, чтобы знать, что делать дальше.

— Пытка бессонницей, — вздохнул я.

— Ну, пытать отсутствием сна вас, конечно, никто не будет, а будут делать перерывы между сеансами минимум два дня. И курс психокоррекции растянется даже не на месяц, а месяца на три. И заедет на курс университетский. Готовы тремя месяцами пожертвовать, Артур?

— Не хотелось бы, — сказал я.

— Ну, так в чем дело? Подписывайте согласие. Две недели потратите после сессии, а потом еще отдохнуть успеете до начала учебы.

— Подождите, Артур, успеете подписать, — сказал Руткевич. — Олег Яковлевич, двадцать сеансов за пощечину — это все-таки откровенно много. Артур — очень хороший мальчик, хорошо учится, честен, и считал, что стоит за правду и наказывает клеветника. И, безусловно, заслуживает снисхождения. Конечно, мы бы хотели полностью амбулаторного режима и, конечно, не три месяца — месяц было бы нормально. По два раза в неделю. Да, Артур? Пойдет?

Я кивнул.

— Не пойдет, — сказал Старицын. — Все-таки меня поражают наши юристы. Все вроде бы знают, что такое психокоррекция, но мыслят, как в прошлом веке. Причем здесь вообще пощечина, Станислав Давидович? Забыли про пощечину. Пощечина — это симптом. Вроде головной боли. Головная боль тоже только симптом. А причин может быть много: гипертония, гипотония, отравление, простуда, менингит, опухоль мозга. И лечить надо, например, от гипертонии, а не от головной боли. И причем здесь, какой Артур мальчик: хороший или плохой. Я прекрасно знаю, какой он мальчик: я ПЗ составлял. Конечно, хороший: умный, независимый, честный, добрый, верный. Правда, с чрезмерной склонностью к риску. Между прочим, у него опасное вождение в анамнезе. И благо бы один был. Нет! С дочкой Леонида Аркадьевича.

Олег Яковлевич строго посмотрел на меня.

Я опустил глаза.

— И упрямый, — продолжил Старицын. — Хотя это не всегда недостаток. Скорее, особенность характера. Был бы плохой мальчик — поехал бы у нас в Закрытый Центр. Но у хорошего мальчика Артура есть проблемы: раз, два, три. И их надо решать. И наконец, какое такое «снисхождение», которого он «заслуживает»? Это знаете на что похоже? Представьте себе, что вы врач, поставили пациенту диагноз «опухоль» и рекомендуете операцию. И представим, что у пациентов обычных больниц были бы адвокаты. И говорит вам адвокат пациента: «Не надо ему делать операцию, ему будет больно, а он очень хороший человек и заслуживает снисхождения».

— Я не говорю, что не надо, — заметил Руткевич.

— Вы говорите, давайте его отправим домой на следующий день после операции, потому что он хороший и заслуживает снисхождения. Ну, швы разойдутся!

— Угу! Вы всегда сначала говорите, что никого не наказываете, что психокоррекция — это лечение, совершенствование, помощь пациенту и обществу, а потом человек к вам попадает в стационар, неважно открытый или закрытый, и вы начинаете его методично наказывать за мелкие провинности.

— Мы наказываем только в двух случаях. Либо пациент мешает нашей работе и сознательно или бессознательно сопротивляется психокоррекции, либо он мешает другим пациентам. И наказания совершенно несерьезные: запереть в комнате, отобрать кольцо. Ничего серьезнее не делаем. И делаем только потому, что не хотим без необходимости менять структуру нейронной сети. Этого требует от нас Закон о неприкосновенности личности. Психокоррекция делается только в рамках необходимого для защиты общества и адаптации в нем пациента. Если так называемые «наказания» не помогают — вмешиваемся, изменяем нейронные связи.

— На амбулаторном режиме такого не бывает.

— Зато с амбулаторки можно легко загнать в стационар.

— Олег Яковлевич, у меня были куда более серьезные случаи, когда люди отделялись пятью-десятью сеансами и ни разу в Центре не ночевали.

— Десять сеансов не в стационаре — это вообще неправильно. Я никогда так не делаю. Больше пяти сеансов — железно стационар. Пусть это будет три дня, но стационар. Гораздо эффективнее. И надежнее. И безопаснее для пациента, между прочим. По какой литературе, кстати, проходили ваши клиенты, которые отделялись десятью сеансами?

— «А», «В», было даже «Е».

— Угу! «Е-ноль», халатность какая-нибудь без серьезных последствий. А «С» было?

— «С» не было, но...

— А Артур у нас будет гостить в зоне «С». Станислав Давидович, ну «С» — это «С».

— «С-ноль».

— Все равно «С». Все. Никакой амбулаторки. Классические «три раза сходить к психологу» бывают, если человек, извините, справил малую нужду не там, где положено, насолил, выругался в общественном месте или обидел верующих какой-либо конфессии, причем неумышленно, не разобравшись в местных традициях и придя со своим уставом в чужой монастырь. Ну, девушка на солею зашла, помолилась не по форме. Вот тогда три раза сходить к психологу. Ну, три-пять.

— Случай Артура ненамного хуже.

— Случай Артура — это «С», со всеми типичными и характерными для «С» проблемами.

Полный набор!

— Есть еще один момент, — сказал Руткевич, — Артур несовершеннолетний.

— Артур, восемнадцать лет есть? — поинтересовался Старицын, хотя я не сомневаюсь, что и так знал.

Я кивнул.

— Значит к нам, а не в Воспитательный Центр. И в стационар можно.

— Согласие, кроме Артура, император должен подписать, — заметил Руткевич. — Он же опекун. Будете просить Хазаровского, Олег Яковлевич?

— Не вижу проблемы. Конечно, буду. И не жду сложностей.

— Ну, попробуйте, — сказал Руткевич.

Старицын проигнорировал реплику и внимательно посмотрел на меня.

— Артур, я понимаю, что страшно в стационар.

— Я воевал, — хмыкнул я. — Было бы чего бояться!

— Тогда я не понимаю, в чем проблема. Страхи надуманные. Опасных пациентов у нас нет. Даже в Закрытом Центре никто не даст пациенту свободно разгуливать по блоку, пока психологи не убедятся, что он не представляет опасности для других пациентов и персонала.

— Да не боюсь я!

— Конечно. Купаться любите? Артур, вспомните, как легче заходить в холодную воду: постепенно или сразу?

— Лучше сразу.

— Правильно, быстрее происходит адаптация. Ваша задача сейчас дважды прыгнуть в холодную воду. В первый раз: к нам на пять дней, а потом еще на пять.

— Олег Яковлевич, император хотел, чтобы я сдал экзамены в Университет Кейнса на РЦС, они как раз летом, после моей сессии.

— РЦС не получится. После курса психокоррекции нужны регулярные осмотры у психолога. По крайней мере, год, а лучше два. Потом можно реже. Но ближайший год придется провести на Кратосе.

— Думаю, мы должны спросить мнения Леонида Аркадьевича, — заметил Руткевич.

— Спрошу обязательно, — кивнул Старицын, — но не думаю, что что-то изменится.

— Хорошо, — вмешался Руткевич. — Давайте мы вас оставим, отойдем с Артуром в соседнюю комнату, посоветуемся и потом скажем, что мы решили.

— Конечно, — пожал плечами Старицын.

И наконец, пригубил чашечку с кофе, который, наверное, давно остыл.

В соседней комнате мы с Руткевичем сели на диван.

— Император может наложить вето на приговор из-за экзаменов в университет Кейнса? — спросил адвокат.

— Нет, — сказал я. — Он не будет.

— Точно?

— Я уже говорил с ним о вето.

— И?

— Лучше бы я этого не делал.

— Понятно.

Станислав Давидович положил мне руку на плечо.

— Артур, надо согласие подписывать.

— У нас никаких шансов?

— Очень мало. Восемьдесят процентов, что суд займет его сторону. Мне неудобно будет брать с вас деньги. Скажут, Руткевич берет почасовую и потому вытащил богатого клиента на безнадежное судебное заседание. Сегодняшний разговор был нужен, чтобы нам понять его позицию и оценить наши шансы. Но судебное заседание — совершенно не нужно. Честно говоря, амбулаторку, кроме совсем уж легких случаев, дают только одиноким женщинам с маленькими детьми. И то не в случае «С». У вас же нет никаких серьезных препятствий для того, чтобы две недели провести в Центре. Нет, Артур?

Я пожал плечами.

— Нет. Кроме того, что мы уже обсудили. После кириопольских экзаменов не будет.

— Ну, отсрочка есть. Так что давайте подписывать. Я вам сейчас скину форму, вы визируете электронной подписью, и отдадим Старицыну. А с Леонидом Аркадьевичем он пусть сам разговаривает.

— Я не буду подписывать, — сказал я.

— Почему?

— Потому что бороться надо до конца, даже если борьба безнадежна. Подписать — это сдаться.

— Понятно, — пожал плечами Руткевич. — Бойцы РАТ никогда не сдаются, а перед арестом пьют цианистый калий, если только не собираются использовать суд как трибуну для политической агитации.

РАТ — Республиканская Армия Тессы — повстанцы моего отца.

— Наследственные проблемы, да? — спросил я, глядя в пол.

— Ну, почему проблемы? Особенности характера.

— Вы придете со мной в суд?

— Конечно. Только денег не возьму. Не предлагайте.

Судебное заседание продолжалось не более часа. Старицын повторил свои аргументы и добавил, что ни в коем случае не хочет помешать моей учебе, а значит нельзя растягивать курс на три месяца амбулаторных сеансов: лечение с учебой несовместимо. А вот держать меня в Центре во время курса реабилитации, который я должен буду пройти после психокоррекции, они не считают необходимым. Так что реабилитация будет амбулаторной.

О курсе реабилитации я слышал впервые.

— Ерунда, — шепнул Станислав Давыдович, — на тренинги походить.

И мы с Руткевичем повторили наши аргументы. Эрих Павлович внимательно выслушал и влепил мне две недели стационара с отсрочкой на время экзаменов в университете Кириополя — все, как просил Старицын.

— Артур, — сказал мне на прощание Олег Яковлевич. — Я говорил с императором по поводу ваших экзаменов в университет Кейнса. Он сказал, что у него были такие планы, но потом он решил, что вам рано туда лететь, и гораздо лучше сначала окончить местный университет. Это не последний набор. Через один-два года будет идеально. Так что сдавайте экзамены здесь. Сдадите — сразу связывайтесь со мной.

В Универе перед зачетом по уголовному праву меня встретили аплодисментами.

Сокурсники окружили, протянули руки для рукопожатий. Я отвечал всем, даже незнакомым.

— Держись! — подбадривал длинный парень из параллельной группы, а я даже не помнил его имени.

— Мы все за тебя! — крикнула хрупкая блондинка, кажется одна из подружек Марины.

Я мысленно отругал себя за то, что не запоминаю людей. Записывать что ли? Меня и так все знают, и я этим пользуюсь. Знают, не только как воспитанника императора, скорее как человека, имеющего обращаться с гитарой, а значит желанного на любой студенческой вечеринке.

Кто-то вытянул руку вверх, показывая знак победы. Кто-то выкрикнул:

— Ты прав!

Я оказался в странной роли одновременно героя и преступника, примерно, как мой отец. Это было круто, но казалось мне незаслуженным и излишним. Ну, какой я герой: никого не спас! Какой преступник: никого не убил, не ограбил.

— Это жутко несправедливо, — сказал Денис, регулярно сдувавший у меня контрольные, — сволочь Кривин сбежал и гуляет на свободе, а честный человек ходит с контрольным браслетом и вынужден ехать в Центр.

Я пожал плечами.

— Именно потому я и поеду в Центр, что честный человек.

И поймал себя на том, что демонстрирую им браслет: поднял руку, трогаю подбородок. Так какой-нибудь подросток показывает друзьям первую наколку или след от шприца.

У них такого нет. У меня совершенно уникальный опыт.

— Артур, а как это? — спрашивают они.

— Психокоррекции пока не было. Был так называемый психологический опрос. Ну, как? Кладут под биопрограммер, как на любом допросе, иглу в вену, тормоза сносит — и все выкладываешь. А так терпимо. Только тошнит и голова кружится. Потом колют кофеин, чтобы ты в себя пришел.

Они слушают, затаив дыхание. И, по-моему, хотят подробностей.

— У меня на четыре недели отсрочка, до конца экзаменов. Потом в Центр.

— Опять на весь день?

— Нет. На две недели. С вещами. В стационар.

— Ничего себе! А император не может освободить от наказания?

— Может, но не будет.

— Почему? За тобой вины-то никакой нет!

— Значит, есть. А он не хочет, чтобы его заподозрили в том, что на членов своей семьи он законы не распространяет.

Иду к дверям и ловлю на себе чей-то холодный взгляд. Глеб Митте — сын бывшего начальника СБК при моем отчине — Данииле Данине. Пожалуй, мой главный соперник в борьбе за звание самой яркой звезды курса. Он меня недолюбливает, и это взаимно. Стоит один, руки сложены на груди, на губах — усмешка.

— Каково быть героем уголовной хроники? — спрашивает он.

— Не собираюсь этим ограничиваться, — бросаю я.

— Большие планы? Убийства, поджоги, теракты?

Я останавливаюсь, ловлю себя на желании врезать ему по наглой морде.

И доказать тем, что психокоррекция мне совершенно необходима.

Не такой уж сниженный у меня самоконтроль.

— Ничего не могу обещать Глеб, посмотрим, кто в какой окажется хронике.

Пожалуй, мой отец и отец Глеба — антиподы. Анри Вальдо — бывший вождь тессинских повстанцев, теперь вполне лоялен, но по-прежнему остается кумиром самой свободолюбивой и независимой части жителей империи. Герман Маркович Митте всегда был охранителем, слишком консервативным даже для отчима. По-моему, Данин его только терпел. Хазаровский не терпит. После смерти отчима я ни разу не видел Митте: ни на о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.